

Вячеслав Владимирович Жуков

Ненастоящий полковник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2805935

Аннотация

Мент – он и в Африке мент. Но в России он, конечно, покруче будет. Казалось бы, заурядное дельце предстояло расследовать бывалым операм под руководством майора милиции Федора Туманова – убили директора ювелирного магазина Романовского. Но очень скоро сыскарь убеждается: не все так просто – директор был замешан в махинациях с золотом, которое нелегально переправлялось в Россию из Польши. Очередная партия драгметаллов как раз хранилась в личном сейфе господина Романовского, а потом, после его смерти, бесследно исчезла. Больше всего это огорчило авторитетного вора в законе по кличке Барик – он начинает охоту за теми, кто похитил «рыжье», но не знает, что brave московские опера уже всю охотятся за ним самим...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	41
Глава 6	47
Глава 7	53
Глава 8	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Вячеслав Жуков

Ненастоящий полковник

Глава 1

Федор видел, что опаздывает, и потому злился. Хуже нет, когда вот так спешишь, а кто-то у тебя стоит над душой и зудит над самым ухом. У Федора над душой стоял капитан Греков. И не просто стоял, а пытался втолковать истины, которые сам майор Туманов знал не хуже приставучего Грека. Есть тип людей, которые жить не могут без того, чтобы не сунуть куда-нибудь свой нос. Грек относился именно к таким. И в данном случае он совал свой нос к майору Туманову. Стоял рядом и гудел над ухом как шмель над цветком, поторапливая.

– Ты ж пойми, Николаич, у тебя сегодня можно сказать праздник. Твоя Дарья приезжает, а ты стоишь перед зеркалом и с галстуком возишься. Время теряешь. Как, по-твоему, это нормально?

Федор покосился на капитана. За каким только чертом пригласил его к себе. Надо было оставить в машине. А уж раз пришел, то сидел бы себе молча, вон как лейтенант Ваняшин и потягивал кофе. Так нет, он нарочно будет стоять над душой, и зудеть себе в удовольствие. Такого палкой не отгонишь. Федор вздохнул и опять глянул в зеркало, парировав при этом нападки Грека:

– Вожусь. Потому что под этот пиджак не могу подобрать галстук.

На что от Грека тут же последовало вполне справедливое замечание:

– Делов-то, – усатый капитан криво усмехнулся, – надень другой пиджак. И все тут.

Федор хмыкнул. Как все легко получается у Грека. Только, на словах. Вот бы в жизни так было.

– Надень, – проговорил он раздраженно и с не меньшим раздражением добавил: – Можно подумать у меня, их десяток. Всего-то два: в одном на работу хожу и вот этот поновое. Как видишь, выбирать не из чего. Галстуков побольше. Шесть. На дни рождения надали, а носить некогда. Да и все они какие-то не того, не модные. И как видишь, к этому пиджаку не подходят. Сам же видишь.

Грек с сожалением взглянул на своего старшего. В его словах была доля правды. Только, по мнению Грека, напрасно майор тут принаряжается, как хорошая баба и тратит время. Они могут крупно опоздать, а кроме огорчения, опоздание Федора, у Даши ничего не вызовет. Лично Грек, огорчить такую женщину бы не решился.

– Вообще-то, главное не одежда, а человек, – как бы, между прочим, напомнил он, не забыв глянуть на часы, а потом на лейтенанта Ваняшина. Сидит тот, как пенек. Уже третью чашку кофе заглатывает, словно до этого никогда не пробовал. А мог бы тоже поторопить майора. Ведь служебная «Волга», которую любезно им выделили от управления, закреплена за ним. И за рулем сидеть не майору, а этому олуху Ваняшину. И не просто сидеть, а гнать машину на бешеной скорости, чтобы майор успел к самому приходу поезда. А нет бы, выехали, не спеша, как нормальные люди. Если б не Туманов со своими примерками. По мнению Грека, сейчас их боевой майор вел себя не самым достойным образом, вертась перед зеркалом.

Грек надеялся на солидарность Ваняшина, но тот вдруг поступил как последний штрейкбрехер и занял противоположную сторону.

– Знаешь, Сан Саныч, ты не прав, – молодой лейтенант уставился своими ясными глазами на усатого капитана и вздумал его поучить. – Женщине всегда приятно видеть мужчину хорошо одетого.

– Оденешься тут, когда денег от зарплаты до зарплаты не хватает, – с обидой вставил Федор. Но ни Грек, ни Ваняшин, будто не заметили его обиды. Всем не сладко, не одному майору.

А Грека зацепили слова молодого коллеги. Он серьезно глянул на Ваняшина, на его фирменный джинсовый костюм, и спросил:

– Ты себя, что ли в виду имеешь?

Ваняшин, наконец, напился кофе, отставил, пустую чашку и, утерев салфеткой губы, с полным равнодушием сказал:

– Ну, почему сразу себя. Я вообще. Если хочешь, обо всех мужчинах.

– Ах, ты обо всех, – Грек на это улыбнулся, не убедил его лейтенант. – Ты, Леша, не обижайся, но в бабах ты ни хрена не разбираешься, – заметив, как сразу Ваняшин надулся и даже открыл рот для возражения, Грек поспешил добавить: – Нет, конечно, прижать и оседлать какую-нибудь красавицу, это ты мастак. Тут я не спорю. Хотя и мы с Николаичем позиций не сдаем и еще ой как можем. Да, Николаич? – адресовал свой вопрос Грек Федору, на что тут же получил от Туманова краткий, но емкий по содержанию ответ:

– Отвали.

Ни капли не смутившись, как ни в чем не бывало, Грек продолжил:

– Но если хочешь знать, Леша, для женщины главное не это.

Ваняшин в отличие от Грека, не был убежденным спорщиком. Спорить не стал, а поинтересоваться решил. Спросил:

– Ну и что же, по мнению капитана Грекова, для женщины главное?

Грек самодовольно усмехнулся.

– Ну, ты смотри. Он не знает. Ну, Леша, ты даешь, – посмеиваясь, сказал капитан и добавил: – Внимание. Вот чего главное. Можешь даже без пиджака и галстука приходить. Хоть голым. Правильно, Николаич?

– Отстань, Грек, – огрызнулся Федор. Но Грек только улыбнулся и сказал весело:

– Вот, майор подтверждает мои слова, потому что ни тебе чета и в бабах разбирается не хуже моего. Уж ты мне верь, Леша.

– Саня, заткнись. Или я тебя выброшу с балкона, – пригрозил майор Туманов, и посчитав очередной галстук не подходящим, швырнул его в гардероб. Но угроза майора не тронула Грека. Кивнув в сторону Туманова, он скроил хитрую физиономию и сказал:

– Видал? Угрожает насильственным выдворением из комнаты. А почему? Как ты думаешь, Леша?

Ваняшин миролюбиво хлопал глазами. В словесной перепалке старших товарищей он предпочел не принимать участия. Зато Грек сдавать свои позиции не собирался. Это противоречило его правилам. И не было ничего такого, что бы могло заставить его изменить свое мнение. Не собирался он его менять и сейчас. И посчитав угрозу майора крайне не справедливой, важно сказал:

– Да потому что я прав.

– Саня, ты хотя бы минуту помолчать можешь? – взмолился Федор.

Грек с готовностью кивнул, словно все время только и ждал этой просьбы.

– А я для друзей, чего хочешь, могу, – не поскупился усатый капитан на обещание, которое майор решил использовать как единственный шанс, способный избавить его от назойливости болтливового капитана.

– Тогда сделай милость, заткнись, – попросил Федор. – И так тошно. А тут ты еще зудишь со своими нравоучениями.

Федор был не прав, когда думал, что можно вот так просто заставить Грека замолчать. Усатый капитан терпеливо смотрел на часы, и когда минута прошла, продолжил доставать Федора.

– Тошно тебе, майор, от собственного непонимания. Не одежда главное... – повторить, ранее уже сказанную им фразу, Грек до конца не успел, за него это сделал Туманов:

– Не одежда, а человек. Знаем. Слышали, – Федору захотелось плюнуть в усатую рожу капитана, но вместо этого, он сорвал с шеи очередной галстук и, зашвырнув его в гардероб, сказал своим бойцам: – Ладно. Поехали. И так уже много время потеряли. Прав Грек, не одежда главное, а внимание, – он взял со стола приготовленный большой букет роз.

Грек с Ваняшиным уже суетились в прихожей. Наскучило ребятам сидеть. Оба наперегонки выскочили в дверь, застучали каблуками по лестнице. Туманов едва поспевал за ними.

* * *

Подъезд к Курскому вокзалу перегородил гаишник старший лейтенант. Широко растопырив ноги, он встал посередине проезжей части, лениво помахивая жезлом. На вывернувшую из-за затора машин и едва не подкатившую ему под ноги черную «Волгу», пузатый старлей взглянул диким зверем, имея твердое намерение по-свойски разобраться с нахалом. Но, опустив взгляд на синий спецномер, он посторонился, но чтобы не утратить своего достоинства, скроил недовольную физиономию. Он даже не пытался взглянуть в сидящих за тонированными стеклами. Все машины, московских ментовских начальников и их номера, он помнил наизусть. А эта «Волга» хоть и принадлежит управлению уголовного розыска, но ездит на ней шелуха, не достойная его почтения. Эти голодранцы из розыска, ни чета ему. У них в карманах не шиша, а он без пары штук с работы домой не возвращается. Но конфликтовать с операми не стоит. Напакостить могут. Характер у них такой, что лучше не задевай. Поэтому гаишник отвернулся.

Схватив букет, Федор выскочил из машины и влетел в здание вокзала. Наставленные сплошь и рядом турникеты, создавали огромные неудобства. Теперь для того, чтобы попасть на перрон, пришлось спуститься в нижнее помещение вокзала, изрядно побегать там, после этого только поднявшись по лестнице, можно было попасть к поезду, который уже подошел. А раз так, то Даша небось все глаза проглядела.

Даша вышла из вагона с двумя здоровущими сумками, стояла на перроне и крутила головой, высматривая в толпе Федора. На ее лице не было растерянности. Скорее, легкое разочарование. Знала, что при такой работе, Федор запросто может и не приехать ее встретить. Хотя и обещал. И тогда ей придется спуститься в метро и добираться самой. К этому Даша уже и была готова, когда вдруг увидела его.

Федор бежал по перрону, размахивая букетом, словно в руке у него был березовый веник, и торопился он не ее встречать, а в баню.

Даша улыбнулась на такой кураж любимого. Все мужчины не лишены чудачества. А Федор, увидев ее и обрадовавшись, напрочь позабыл о букете. И что эти три розы в сравнении с тем цветком, который ожидал его на перроне. Заметил, какими голодными глазами поглядывали мужчины на Дашу, словно только и ждали команды, чтобы наброситься и замять этот цветок. Они все завидовали Федору.

Он подбежал, неуклюже толкнул мужчину, следовавшего в нескольких шагах за красивой ярко одетой блондинкой. На нее и на того мужчину, Федор взглянул мельком, извинился за свою нерасторопность, бросив короткое мужчине:

– Извините!

И подбежав к улыбающейся Даше, схватил ее в свои объятия, обсыпая поцелуями.

Блондинка, одетая в ослепительно белый брючный костюм, приостановилась, заинтересовавшись, куда это так спешит высокий красавец мужчина с букетом роз. Увидев, кому был вручен букет, она улыбнулась, едва заметно кивнув Даше.

Следовавший за блондинкой мужчина, которого Федор небрежно толкнул, тоже обернулся. Но стоило девушке пойти, как он тут же последовал за ней, словно привязанный. Ему никогда не доставались такие красавицы. Всегда довольствовался тем, что было. А были, в основном, довольно несимпатичные бабы. И теперь он пожирал глазами блондинку. А Даша, заметив, что на них смотрят еще несколько пар любопытных глаз, смутилась и сказала тихонько Федору:

– Федор, на нас смотрят.

– Плевать. Пусть смотрят и завидуют, что у меня есть такая женщина.

– Федор, ты сумасшедший, – засмеялась Даша. Хотя самой такое признание было очень даже приятным. Она посмотрела на него.

– Мы с тобой не виделись ровно двадцать один день, – сказала Даша, глядя ему в глаза и чувствуя, как его руки медленно сползают по ее спине к талии, а потом и к попе. Сейчас его пальцы были такими же чуткими, как у вора карманника, с той лишь разницей, что ощупывали не карман, а едва различимую полоску трусиков на ее заднице. Даша хватанула ртом воздух и едва заметно вздрогнула.

– Федор, ну ты что? Перестань, пожалуйста. Кругом полно людей. Ты что, не можешь потерпеть до дома, чтоб меня не облапать на людях?

– Не-ка. Я по тебе соскучился... Очень, очень.

– Я тоже по тебе. Но это не повод, чтобы нам здесь заняться любовью. Поехали скорей отсюда. Я хочу домой. Вот там ты сможешь в полной мере дать волю своим рукам. Там нас никто не увидит. Поехали, скорей, Федор. Я хочу, чтобы мы остались одни. Хочу показать тебе свой загар. Думаю, тебе понравится.

– Мне все в тебе нравится. Только... – замялся Федор. А Даша спросила озабоченно:

– Что-то не так?

– Да нет. Все так. Только в машине сидят Грек с Ваняшиным.

– О, – тихонько простионала Даша, усмехнувшись. – Без них нельзя было обойтись? Я думала, ты приедешь один.

Федор пожал плечами. Потом сказал, несколько шутливо:

– Они тоже хотели увидеть твой загар...

– Что? Фигушки. Это позволено видеть только тебе и больше никому.

Федор улыбнулся.

– Ты меня не так поняла. Я хотел сказать, что, разумеется, в пределах допустимого. Только на уровне открытых частей тела.

Даша засмеялась, принимая условия своего любимого майора.

– Ну, раз так, тогда бери сумки и вперед. Я как раз привезла трехлитровую бутылку отменного виноградного вина. И фруктов. Будет, чем угостить твоих друзей.

Федор взял в руки сумки, которые, кстати сказать, оказались не такими уж легкими, и они с Дашей пошли к переходу.

Возле фонарного столба, на перроне стояла девушка с большим дорожным чемоданом и терпеливо дожидалась носильщика. А чтобы понапрасну не скучать, с интересом наблюдала за Дашей и Федором. Немного завидуя. Ее никто не приехал встречать. Теперь оставалось надеяться, что кто-то из носильщиков подхватит ее чемодан. Когда Даша с Федором пошли, она проводила их взглядом до самого перехода.

Увидев подошедшую Дашу, Грек выскочил из машины с букетом гладиолусов. Расклялся Даше. Ваняшин был более сдержан. Пока Грек вручал Даше цветы, и что-то там плел про ее нежный бронзовый загар, который контрастно отличает москвичек от южанок, Федор спросил у Ваняшина по поводу цветов. На что молодой лейтенант все с той сдержанностью ответил:

– Мы, товарищ майор, тут зря время не теряли.

– Да уж вижу, – укоризненно покачал головой Федор, догадываясь, что букет взят от местных торговек нахальным Греком бесплатно. Хотя лейтенант Ваняшин по этому поводу распространяться не стал.

Усевшись на заднее сиденье, Даша улыбнулась и сказала:

– Сейчас мы поедем к нам. Я привезла настоящего виноградного вина. И хочу вас угостить, – она посмотрела на Федора. А тот молил бога, чтобы эти два олуха отказались, сослались на дела и поскорее испарились. Но видно бог не услышал молитвы милицейского майора. А Грек с Ваняшиным не могли себе позволить, чтобы такая очаровательная красавица стала их долго упрашивать. Это было непозволительной роскошью. Поэтому оба тут же с радостью согласились.

– Правда, Федор? – сказала Даша. Федор тихонько вздохнул, сожалея, что им до позднего вечера теперь не удастся побыть вдвоем. А ему придется изо всех сил бороться с желанием немедленно затащить Дашу в постель. Впрочем, сам виноват. Не стоило брать их. Поскупился на такси, решил прокатить Дашу на служебной машине, и вот теперь расплачивайся. Но и Грек с Ваняшиным тоже хороши. Могли понять, что Федору не терпится остаться с Дашей наедине. Завтра он им устроит полный разнос, а пока придется мириться с положением. И Федор, заметив на себе вопросительный взгляд Даши, сказал:

– Конечно. Мы сейчас поедем к нам. Накроем хороший стол.

Но сказал это Туманов так, словно поездка будет необычайно трудной и у обоих еще есть время отказаться. Даша даже чуть не расхохоталась, догадываясь о настроении своего майора.

Капитан Греков на этот счет не имел никаких домыслов. Поэтому удрученного настроения майора Туманова просто не заметил, болтая как всегда о всякой чепухе. А лейтенант Ваняшин сосредоточенно смотрел вперед. Тяжелая «Волга» после девятой модели «Жигулей» не очень нравилась ему. Он еще никак не мог привыкнуть к этой машине, и старался не очень-то отвлекаться на разного рода болтовню. Говорят ехать, и он едет. Скажут остановиться, он надавит на педаль тормоза.

И расценив его молчание, как нечто такое, не подходящее к данной ситуации, Грек вдруг перестал улыбаться и спросил у него:

– Леш, ты чего молчишь-то?

– А чего говорить? Я машину веду.

Грек усмехнулся. Пользуясь тем, что усатый капитан смотрел не на Дашу, а на Ваняшина, Федор незаметно от него сунул руку Даше под платье и нежно погладил ногу от колена к паху. Даша посмотрела на него, улыбнулась и положила на колени пакет. А Федор, добравшись до трусиков, нащупал заветную складочку между ее ног. Осторожно раздвинул пальцем плоть, почувствовав на пальцах влагу. Едва заметно улыбнувшись, Федор посмотрел на Дашу, словно хотел спросить, как ей такое.

Ему показалось, Даша перестала дышать. Федор видел, как она вдохнула в себя воздух, и ее грудь, удерживаемая узорчатым полупрозрачным лифчиком, поднялась. И теперь не опускалась. Взгляд сделался возбужденным. И стыдясь перед Греком и Ваняшиным, Даша отвернулась к боковому окну, и полу прикрыла глаза, сделав вид, будто собирается вздремнуть.

Стыдилась за себя и за Федора. Наверное, он не должен был так поступать. Но и она противиться не могла. Было слишком хорошо. Ведь они не виделись целых двадцать один день. Но все равно, нельзя же так при посторонних. Федор майор, а эти двое его подчиненные. Хорошенький пример для подражания. Вот сейчас Даша соберется с силами и заставит его убрать руку. Но вместо этого, она раздвинула ноги, чтобы его руке было свободней, чувствуя, как его палец входит все глубже. Теперь она уже и не помышляла сопротивляться. Она откинулась на спинку сиденья.

Федор почувствовал, как ее тело напряглось. Ее правая рука, свободная от пакета, судорожно вцепилась в его руку. Чтобы не вскрикнуть, Даша плотно сжала губы, уперлась ногами в коврик, заерзала попкой по сиденью, и вдруг протяжно вздохнула. Тело ее, точно обмякло. Федор понял, что произошло с ней. Дома на постели, в такие моменты она обычно стонала. А тут пришлось себя сдерживать, и Даша справилась. Только сразу же положила голову на плечо Федора, делая вид, что очень устала от дороги. Наверное, Грек с Ваняшиным так и не заметили ничего. А может быть, и заметили, но расценили это по-своему, и не подали вида. Все ж таки они люди с понятием. Но Федор не очень-то обременял себя рассуждениями. Для него сейчас было важнее, побыстрее избавиться от приятелей и остаться с Дашей наедине. Чувствовал, как она хочет его.

Туманов не предполагал, что это застолье по поводу Дашиного приезда так затянется. Думал, ну посидят друзья часок, другой и откланяются. Нужно же меру знать. Но все оказалось иначе. А под конец уже и сам Федор разошелся. И когда бутыль виноградного вина, привезенного Дашей, опустела, достал из холодильника литровку «смирновки». Гулять так, гулять, решил он, выставляя на стол водку.

Даша покосилась на него и даже укоризненно покачала головой, по поводу неумеренного аппетита, но ничего не сказала. Она была женщиной гостеприимной и умела угодить гостям. Выпроводить Грека с Ваняшиным удалось только в половине первого ночи, когда в литровой бутылке на донышке уже не оказалось ни капли водки.

На нетрезвых ногах оба вышли, Даша закрыла за ними дверь, а когда вернулась, увидела, что Федор уже в спальне развалился на кровати. Глядя на него спящего, Даша разочарованно вздохнула.

* * *

Утром Федор проснулся от звонка будильника. Даша уже не спала. Подперев ладонью щеку, лежала и рассматривала его спящего. Когда он открыл глаза и посмотрел на часы, произнесла с укором:

– Вижу, ты наскучался без меня.

Она выскользнула из-под одеяла голая, подошла к окну и откинула штору, впуская в спальню сноп яркого солнечного света, который, попав на ее, загорело тело, придал ему золотой отлив.

Федор глянул на нее и проглотил слюну. Как же она была хороша.

– Дашка, какая ты, – произнес он восхищенно.

– Какая? – спросила Даша с кокетством.

– Красивая. Золотая моя женщина. Только сейчас и рассмотрел тебя.

– Ночью тебе времени не хватило меня рассмотреть, – проговорила она несколько колько. И Федор смутился, сказал виновато:

– Да негоже вышло. Перебрал я вчера лишнего. Ты уж извини.

Даша с обидой хмыкнула.

– Лишнего? А ты знаешь, что настоящий мужчина, в присутствии других мужчин, никогда не позволит себе перебрать лишнего. И не даст себя споить, чтобы никто не попользовался его женой.

На лбу у Федора появилась складка. Брови высоко поднялись.

– Ты это к чему? – спросил он. Вроде не помнил, чтобы кто-то из друзей заигрывал с Дашей, и уж тем более, попользовался ею. А раз так, не понятно тогда, к чему она это сказала.

– Да это я так, к слову. Не ломай голову. Просто, чтобы ты знал на будущее.

– Я знаю, – мрачно ответил Туманов, заметив в глазах девушки затаенную грусть. Она была сейчас необыкновенно хороша, стройная, загорелая. Стояла, чуть склонив голову на

бок, и ее густые волосы спадали с плеч, прикрывая груди, где вокруг выпуклых коричневых сосков остались два белых кружка. И еще одно такое же пятно внизу живота, прикрытое густыми выющимися волосами.

Федор представил, сколько голодных мужских глаз было нацелено на ее роскошное тело, когда Даша появлялась на пляже. И каждый бы мечтал дотянуться до нее. Но это было не позволительно никому, кроме него. А он... Он вспомнил детали прошедшего вечера, когда Даша под столом толкала его ногой, а он все-таки не пропустил ни одной рюмки, нарочно не реагируя на ее просьбы. И чего хотел этим доказать? Теперь Федор раскаивался.

– Иди ко мне, – позвал он, но Даша указала ему на будильник.

– Смотри, сколько уже время. Ты хочешь опоздать? – колко спросила она, явно не имея желания заняться с Федором сейчас любовью.

Опаздывать оперуполномоченный уголовного розыска не хотел. Поэтому, взглянув на часы, тут же выскочил из постели и стал одеваться.

– Даш, ты извини меня. Вечером я наверстаю упущенное, – пообещал он уже из ванной, подставляя голову под тугую струю холодной воды. Сегодня, ежеутреннюю процедуру обливания ледяной водой пришлось отложить, ограничиться только умыванием. Это Федор проделал с особой тщательностью. И только после этого, похмельный синдром стал проходить, а в голове наступило некоторое прояснение.

Даша уже суетилась в кухне, приготовив ему чашку крепкого кофе.

– Это тебе поможет вернуться к нормальному состоянию. Только не вздумай похмеляться, – предупредила она и добавила: – И чтобы к вечеру был, как штык...

– Буду, – залпом проглотив кофе, пообещал Федор и побежал в прихожую. Когда за ним захлопнулась дверь, Даша подошла к телефону. Минуту, другую, задумчиво смотрела на него. Потом, удобно разместившись в кресле, сняла трубку, и ее пальчик произвел манипуляцию с набором цифр.

– Привет, – улыбнувшись, проговорила она. – Это я...

* * *

Федор опоздал на работу на целых двадцать минут. Остановившись перед дверью в кабинет, стал по карманам шарить ключи, но, как оказалось, дверь была не заперта. Стоило Федору ее чуть толкнуть, как дверь открылась, и он увидел в своем кабинете Грека с Ваняшиным. Оба сидели за столом, на котором стояла полтора литровая бутылка «Очаковского».

Сначала Федору захотелось хорошенько отчистить своих подчиненных за это, но, глянув в их болезненные лица, Федор только улыбнулся и сделал всего лишь суровое замечание:

– Вы бы хоть дверь на ключ запирали, черти. Войдет кто-то из посторонних, или начальство, а вы тут...

– Николаич, исключительно в лечебных целях, – простонал Грек, кивнув на бутылку, и поставил перед Федором стакан, который Ваняшин не замедлил наполнить.

– Без этого нельзя? – спросил Федор, вспоминая, как Даша настоятельно рекомендовала не похмеляться.

На лице Грека появилось столько удивления, что Федор пожалел о заданном вопросе.

– Он еще спрашивает. Конечно, нельзя. Поправиться надо. Лично у меня думалка отказывается мозгами шевелить. У тебя как, Леха?

– У меня тоже, – вяло ответил Ваняшин и потянулся к своему стакану.

– Во, Николаич. Видишь как, – не то с укором, не то с сожалением произнес Грек и с подколычиком добавил: – Один ты у нас, майор, кремень. Можно сказать, последний герой.

– Да ладно тебе, – отмахнулся Федор, взял стакан и тут же выпил. В конце концов, Грек прав. Поправиться надо. А стакан пива не повредит, и к вечеру он будет, как огурчик, и Даша

не узнает. Да и не давал ей Федор никаких обещаний. Могла бы вчера не приглашать Грека с Ваняшиным, и они бы целый вечер провели вдвоем. За язык ее никто не тянул. А потом еще чего-то обижается на него. Это он, Федор, должен на нее обижаться.

Следуя примеру своего старшего, Грек с Ваняшиным осушили свои стаканы, и по мере того, как пенящаяся жидкость стала приживаться в желудках, лица обоих просветлели.

Казавшийся до этого мрачным Грек, улыбнулся.

– А мы ведь вчера с Лехой, как от тебя уехали, заскочили в кабачок. На Сухаревской. У Лехи там знакомая работает. Угостила нас пивком. В общем, домой я попал под утро. Веришь, Николаич...

Грек не успел закончить начатую фразу, потому что на столе у майора зазвонил телефон. Федор поднял трубку, а Грек терпеливо ждал, когда майор положит ее обратно на аппарат и он сможет договорить. Но выговориться усатому капитану в этот раз, было не суждено. По напряженному лицу майора Туманова он понял, что-то случилось, и напрочь позабыл, чего хотел рассказать. Спросил вкрадчиво:

– Чего там, Николаич?

– Криминалисты позвонили. На улице Глаголева обнаружен труп мужчины...

Грек посмотрел на недопитое пиво и с неохотой спросил:

– Ну и что там накопили криминалисты?

– Выглядит все как самоубийство. Но у спецов криминалистов есть сомнение. Просят меня приехать. Так что поднимайте свои задницы. Поедите со мной. Надо посмотреть. А заодно и развеетесь.

Ваняшин молча допил в стакане остатки пива, а Грек сунув в рот жевачку, сказал со вздохом:

– Такое мероприятие нам испортили. Даже не посидели, как следует.

– Зато ты вчера, у Николаича, посидел, – проговорил Ваняшин. Грек покосился на него и покачал головой.

– Леха, Леха. Зачем давишь на больной зуб? И без этого тошно. И вообще, лейтенант, с тобой точно на кривую дорожку ступишь.

– Это почему? – удивился Ваняшин такому нахальству капитана.

– А зачем ты меня к девкам потащил? Разве за вами молодыми угонишься? Тоже мне друг называется. Сам слинял с подружкой, а меня оставил наедине с этой рыжей шалавой. Пришлось ее ночевать к себе взять.

– Так не брал бы, – кажется, Ваняшин не был предрасположен, сочувствовать Греку, и не понимал его обиды.

– Да как я могу девку на улице оставить. Пригласил ее как джентльмен к себе и веришь, чуть из квартиры не убежал. Замучила она меня. А я был не в форме. Сам знаешь, перебрал лишнего. Ох, Леша, – пожаловался Грек. – Хочешь, верь, хочешь, нет, но не ночь была, а маета.

Федор шел молча, не вмешиваясь в разговор. Хотя тоже кой, в чем мог упрекнуть того же Грека. Ведь стоило Даше из чувства вежливости пригласить их, посидеть за столом, как Грек первый согласился. Ваняшин был в раздумье. И может, отказался бы, если б не этот Грек, век бы его усатую рожу не видеть.

* * *

Ваняшин остановил «Волгу» возле самого подъезда, но прежде, чем войти, Федор огляделся. Дом был двенадцатиэтажным из бледно-розового кирпича, построенный по спец-проекту с улучшенной планировкой квартир. Людям со средним достатком, проживать в таком доме уж точно не по карману, стало быть покойник из богатеньких.

Федор поднял голову, глянул на окно девятого этажа. Умерший жил там. Как сообщил звонивший капитан криминалист Семин, покойный жил один в просторной пятикомнатной квартире. И видно жил не плохо. Вот только не понятно, почему он вздумал умереть. Семин не стал по телефону разглагольствоваться о подробностях. Потому и попросил лучшего сыщика приехать.

Грек стоял рядом, крутил башкой, любясь на дом.

– А я бы здесь жить не стал, – ни с того, ни с сего вдруг ляпнул он. Федор с Ваняшиным посмотрели на него. Можно подумать, усатому Греку кто-то предлагал сменить его малогабаритку на одну из шикарных квартир этого дома. А если бы предложили, вряд ли бы отказался. И зря выпендривается капитан. А все потому, что знает, такому менту как он, никогда не жить здесь.

– Ладно. Я пойду, погляжу там, а вы постарайтесь у жильцов подъезда собрать хоть какую-то информацию об умершем. Потом присоединяйтесь ко мне. Есть вопросы?

Грек с Ваняшиным промолчали. Хотя топать по ступенькам с первого по девятый этаж ни тому, ни другому не хотелось.

– Если вопросов нет, то вперед, – сказал Туманов, превратившись из закадычного приятеля в строгого начальника, и пошел в подъезд.

Грек плюнул с досады и сел тут же на скамейку.

– Никуда не пойду. У меня башка болит, и ноги не идут, – пожаловался он. Ожидал, что Ваняшин его поддержит, но лейтенант кивнул на дверь подъезда и сказал:

– Получишь от Николаича нахлобучку. Лучше пойдем.

Грек застонал и, поднявшись со скамейки, поплелся следом за Ваняшиным, проклиная свою собачью работу.

Дверь квартиры была не запертой. Федор вошел в прихожую, потом в одну из комнат, откуда доносились приглушенные голоса. Он увидел эксперта криминалиста, капитана Семина, который суетился возле трупa мужчины, и трех сотрудников оперативно-поисковой группы, которые с появлением майора Туманова сразу приумолкли.

Федор поздоровался. Еще из коридора он услышал нечто похожее на спор между Семиным и оперативниками из группы. И не удержался от вопроса. Спросил, как бы в шутку:

– Что за шум, а драки нету?

Сотрудники группы не горели желанием посвящать майора в детали спора, поэтому тактично промолчали. А вот Семин не сдержался.

– Да вот, – кивнул он на оперов, – утверждают, будто это самоубийство, – разочарованно проговорил Семин. – Предлагают все свести к суициду.

Семин замолчал и махнул рукой. А Федор посмотрел на сотрудников поисковой группы, которые несколько не смутились под нападками криминалиста, скорее наоборот, выглядели ошестинившимися волчатами. И старший группы, лейтенант Ларин, заметив в глазах майора недоумение, сказал в свою защиту и защиту своих товарищей:

– Товарищ майор, никто ему ничего не предлагает. Только чего копать, выискивать того, чего не было. Мы вошли, когда металлическая дверь была закрыта изнутри. Пришлось мчсников вызывать, чтобы ее вскрыть. На теле покойного нет синяков, кровоподтеков. Стало быть, нет и следов какой-либо борьбы. Что еще надо Семину? А у нас и без этого трупa работы хватает.

– А вот мы сейчас и спросим у криминалиста, что мешает ему считать случившееся самоубийством, – сказал Федор и обернулся к Семину. Одну сторону майор выслушал, теперь предстояло выслушать другую. А криминалист капитан занимает здесь не последнее место.

Семин вообще считался человеком немногословным. И на этот раз, не желая тратить понапрасну слова, он указал Туманову на ногу лежащего, на полу мужчины, после чего сказал:

– Вот эта маленькая ранка, – показал он на маленькую точку, возле пятки, похожую на укус комара. – Уверен, она осталась от укола шприцом. Причем, ранка выглядит довольно свежей. Я думаю, укол был сделан буквально перед тем, как несчастный оказался в петле. Конечно, при желании, можно все обставить так, будто это самоубийство... Я понимаю, не охота возиться, искать того, кто это сделал... Вот, собственно поэтому, я вас, майор, и вызвал.

– А вы уверены, что это убийство? – настаивал на своем Ларин. Оба его напарника промолчали, скроив ехидные мордашки, и покосились на майора. В его присутствии следовало попридержаться языки.

Вместо ответа, Семин извлек из своего чемоданчика здоровенную лупу и передал ее Туманову со словами:

– Взгляните.

Федор поднес лупу к маленькой, едва заметной невооруженному глазу, точке, удивляясь, как ее мог заметить Семин. Хотя на то он и эксперт, чтобы замечать самые незначительные, казалось бы, повреждения на теле пострадавших. Через толстое стекло, дающее многократное увеличение, он отчетливо разглядел ранку. Она действительно была похожа на укус комара, но в самом ее центре проступала еще одна, едва различимая точка, явно оставленная от тонкой иглы шприца.

– Ну, как? – спросил Семин уже несколько настойчивей, видя, как озадачилось лицо главного сыщика. – Что скажете? Разве это не укол?

– Похоже на то, – ответил Федор. Ларин попросил у него лупу, тоже взглянул на ранку, но ничего не сказал, только хмыкнул.

– Да, дела, – протянул Федор и, глянув в другую комнату, заметил, что форточка в окне открыта.

– Но ведь здесь девятый этаж, товарищ майор, – осмелился возразить Ларин, после заданного Тумановым вопроса по поводу открытой форточки. – Да и разве взрослый человек пролезет в такую форточку?

Его слова были веским доводом. Форточка действительно была слишком мала, чтобы в нее мог пролезть взрослый мужик. Но Федор все-таки призадумался, и когда пришли Грек с Ваняшиным, попросил их подняться к соседям верхнего этажа.

Оба вернулись минут через пять. Грек сопел, раздувая ноздри, как заморенный конь. Поэтому говорить пришлось Ваняшину:

– Федор Николаич, соседи с верхнего этажа уже месяц, как уехали на дачу.

Грек с завистью посмотрел на сотрудников оперативно поисковой группы рассеявшихся на диване, в комнате, где лежал труп. Это называется, они собирают первоначальный материал по преступлению. Молодцы, ничего не скажешь. Грек подошел, потеснил их, сказав:

– Подвиньтесь-ка, молодежь. Дайте старику присесть. Намаялся.

Оперативники с неохотой подвинулись. Нудно сидеть им тут. Оба посмотрели на Ларина, кивнув на дверь. И тогда Ларин попросил:

– Федор Николаевич, раз уж вы здесь, может, мы поедем? Вызовов полно, – соврал он, хотя вызовов было не так уж и много. Пусть Туманов со своими операми тут поработает. Он же лучший сыщик.

Федор кивнул, посчитав присутствие этих троих тут бесполезным.

– Валяйте. Езжайте на другие вызова. Мы тут сами разберемся. Только доложите оперативному дежурному, что я вас отпустил.

– Доложим, – обрадовано проговорил Ларин, направляясь к двери. Оба его напарника поспешили за ним. Возиться им тут не хотелось. Тут надо было ломать мозги, а они при-

выкли к более конкретной работе. Вот если б тут, на месте преступления, оказался преступник, они задержали бы его. А бегать по этажам и выяснять, что да как, это не для них. Все равно они соберут только первоначальный материал, который потом, так или иначе, попадет к Туманову. И будет лучше, если он примет участие в самом начале расследования. Он въедливый до фига. Не успел войти, и сразу открытая форточка его заинтересовала. А чего тут интересоваться? Кто в нее пролезет, да еще на девятом этаже. Все три сотрудника оперативно-розыскной группы облегченно вздохнули, стоило им очутиться на лестничной площадке.

Нечто подобное, произошло и с майором Тумановым. Он не любил, когда опера из поисковой группы составляли первоначальный материал, причем, кое-как, не оправдывая своего предназначения.

– Все равно толк от них небольшой, – сказал Туманов, когда все трое ушли. – Только мешают сосредоточиться. Ты вот что, Семин, на всякий случай посмотри следы на подоконнике, – попросил Федор, и обратился к Греку с Ваняшиным: – А вы осмотрите квартиру. Надо узнать, все ли цело. Давайте, парни.

– Послушай, Николаич, тебе Даша не говорила, что ты нудный мужик? – спросил Грек. – Посидеть не дашь минуту.

Федор кивнул и сказал без обиды:

– Говорила. Но сидеть потом будем. А сейчас будем работать. Так что, давай Грек, поднимай свою греческую попку с дивана и вперед!

Усатый капитан притворно закричал, как старик. А Ваняшин кивнул на него и тихонько сказал Туманову:

– Ему бы сейчас девчину сюда, так он бы мухой крутился возле нее.

– Лешка замолчи, гад! – взвыл обиженно Грек, поднимаясь с дивана. – Нашел, чем упрекнуть. Больше поговорить, что ли не о чем?

Но Ваняшин только засмеялся, принимаясь за досмотр.

Почти час оперативники в присутствии понятых, приглашенных соседей, осматривали квартиру покойного господина Романовского. Романовский был владельцем крупного ювелирного магазина. Ежедневно в магазине он появлялся ровно в девять утра и находился там до самого закрытия. Это было распорядком его рабочего дня. И его подчиненные настолько привыкли к этому, что стоило Григорию Петровичу нарушить свой распорядок, тут же забили тревогу.

Для начала, его заместительница Ирина Зотова, несколько раз пыталась связаться с Романовским по сотовому, и только убедившись, что это ни к чему путному не приводит, решила обратиться в милицию.

К дому, где проживал Григорий Петрович, она приехала на своем новеньком «БМВ» последней модели. Едва войдя в квартиру, после того, как приехавшие спецы из МЧС вскрыли дверь, и, увидев своего директора висящим в петле, она схватилась за сердце и выскочила на улицу. Сидя в машине, ожидала разрешения оперативников побыстрее отбыть с этого страшного места. Смерть Романовского так поразила ее, что тридцатипятилетняя красотка находилась в шоковом состоянии. Но потом она осознала, что побыстрее вряд ли получится. И предстоит обязательная, в таких случаях, беседа с задаванием целого ряда нудных и неприятных вопросов.

Когда к подъезду подкатила машина внешне похожая на «скорую» и из нее вылезли двое амбалов в темно-синих костюмах с мрачными лицами, она отвернулась и закрыла глаза. Она знала, что это отнюдь не «скорая помощь», которая Григорию Петровичу теперь совсем ни к чему.

Так она просидела довольно долго, не имея ни малейшего желания наблюдать, как все те же двое молодцев вынесли на носилках тело Романовского и затолкали его в машину.

Она открыла глаза только тогда, когда услышала, как открылась дверь ее машины. Увидела приятного на лицо высокого мужчину, бесцеремонно усевшегося рядом с ней на переднее сиденье. Сразу поняла, это один из ментов. Обратила внимания на него, еще, когда он только подъехал на черной «Волге». С ним были еще двое. Вероятно, оба они остались в квартире Романовского. А этот спустился к ней, и теперь будет задавать вопросы. Менты без этого не могут. Только что она знает? Ну, переспала пару раз с Гришей. И то, это произошло в силу служебной необходимости. Если так можно выразиться, чтобы закрепить отношения. Все-таки, она единственный заместитель Романовского. Так хотел сам Григорий Петрович, хотя недостатка в женщинах он никогда не испытывал. Не смотря, что ему пятьдесят, мужчиной он еще оставался привлекательным, а главное, при больших деньгах. С таким любая в постель ляжет. Но что будет теперь, с магазином, да и вообще? В глазах заместительницы Романовского, Туманов заметил тревогу.

– Я – майор Туманов, – для начала представился Федор, на что заметил легкий кивок. При этом в глазах женщины была такая печаль, что Федор просто не мог не задать несколько щепетильный вопрос:

– Мне хотелось бы знать, в каких отношениях вы были с Романовским? Предупреждаю сразу, ваш ответ не будет нигде фигурировать, поэтому надеюсь на вашу искренность, – предупредил Туманов.

Уголки губ женщины слегка опустились от скупой улыбки.

– Здесь совсем не то, о чем вы подумали, майор Туманов. И сейчас в вас больше присутствует чисто мужская интуиция, и уж никак не сыщика.

Федор хмыкнул, восприняв ее слова, как замечание. Признаться, его не покидало подозрение, что красивая женщина имела к покойному отношение не только по работе. Неужели, он ошибся. Хотя, по большому счету, от ошибок никто не застрахован. Во всяком случае, он так подумал, услышав ответ Зотовой.

– Знаете, Григорий Петрович был из тех людей, с которыми всегда хорошо. И дело не только в комфорте. Он был надежным человеком. Весь наш коллектив, а в магазине у нас работает двадцать пять человек, за ним был как за каменной стеной. Понимаете, – женщина чуть призадумалась, и тут же продолжила: – Он был – хозяином. Спуску никому не давал, но и никого зря не обижал. Был добрым человеком. Ума не приложу, как такое могло случиться.

– То есть, насколько я вас понял, причину, подтолкнувшую его на самоубийство, вы не знаете? Я правильно вас понял? – спросил Федор, позволив себе повнимательней рассмотреть лицо женщины. Оно было безукоризненно красивым. Нисколько не сомневался, что любой мужчина заметив в окне столь привлекательную красотку, сочтет необходимым заскочить в магазин, хотя бы для того, чтобы поближе рассмотреть ее, а заодно может и что-то прикупить из золотишка.

Заметив на себе взгляд майора, женщина несколько смутилась. Такой взгляд говорил о многом. Или, мужчина хочет добиться женщины, или... Скорее здесь присутствовало другое, и чтобы развеять домыслы майора, Зотова поспешила ответить на заданный вопрос:

– Нет. Не знаю, – голос прозвучал мягко и немного грустно, как будто заместительница Романовского искренне сожалела, что не может помочь. Она посмотрела в глаза Федору. Причем, в ее взгляде Федор не заметил фальши. И ему захотелось ей верить. В конце концов, у каждого своя жизнь. У нее – своя, а у этого несчастного Романовского – своя. Если экспертиза не подтвердит, что это убийство, тогда дело попадет в разряд банальной бытовухи и никто не станет с ним возиться. Но все равно, за всем этим будет крыться причина, подтолкнувшая человека к петле. Только, скорее всего, Федор и его группа этого так никогда и не узнают. Бытовухой они не занимаются. Это по линии милиции общественной безопасности. Так стоит ли вообще возиться тут?

Этот вопрос невольно возник в голове у майора Туманова после того, как Зотова все же решилась зайти и осмотреть квартиру директора.

– Не знаю даже, – сказала она, входя: – Я и была-то у него дома пару раз. Не больше. И то особенно ни к чему тут не приглядывалась.

Федор заметил, как на ее бледных щеках, проступил стыдливый румянец. И взгляд ее метнулся в сторону от его глаз. Понял майор, для чего она приходила к Романовскому, хотя вида и не подал.

– Ну, все-таки, вы гляньте, – попросил Федор. – Жены у него нет. Родных в Москве тоже. А у нас работа. И нам бы хотелось...

– Это ваша личная просьба? – закокетничала Зотова, водя глазами по сторонам. Федора поразило, как быстро она восстановилась. Всего несколько минут назад, сидела в машине, переживая о случившемся. А сейчас, как будто и ничего. Хотя, если вдуматься, почему она должна биться в истерику. Кто ей Романовский? И она даже вроде должна быть как бы заинтересованной в его смерти. Вряд ли кто-то с улицы попадет в освободившееся директорское кресло. Но тогда стоит вернуться к вопросу о том, что заставило Романовского накинуть петлю.

Зотова обошла квартиру, осмотрев все комнаты, после чего вернулась к поджидавшему ее в гостиной майору Туманову и сказала:

– Точно поручиться не могу. Вроде бы все так на месте. Вот только...

– Что-нибудь не так? – спросил Федор.

– Перстень... У Григория Петровича был золотой перстень с бриллиантом. Но когда я вошла и увидела его висющим... – женщина запнулась, приложив благоухающий изысканными духами платочек к глазам, после чего взволнованно продолжила: – Я обратила внимания, что на безымянном пальце правой руки этого перстня не было. Когда Григорий Петрович его не носил, то хранил вот в этой шкатулке, – она открыла небольшую шкатулку из черного дерева инкрустированную золотом. Показала Федору и всем остальным.

Шкатулка оказалась пустой. А Федору и операм было над, чем призадуматься. Как оказалось, Зотова неплохо информирована о таких бытовых подробностях. И это для человека, как она утверждает, бывшего у Романовского в квартире, всего пару раз и не более, и не имевшего с ним тесных любовных отношений. Странновато.

– А откуда вы знаете про шкатулочку? – спросил Грек, с интересом взглянув на Зотову. Немного заедало усатого капитана, что женщина, словно не замечала их с Ваняшиным, хотя они тут были тоже людьми не последними, общалась только с Тумановым.

Даже сейчас, все еще держа в руке, пустую шкатулку, она подняла глаза сначала на Федора Туманова, потом уставилась на рисунок на полу на ковре, как бы раздумывая, есть ли смысл отвечать на вопрос этого усача. Потом опять заглянула в глаза майору, и, натолкнувшись на его настойчивый взгляд, украдкой вздохнула и сказала:

– Знаю. Потому что была тут пару раз. – Она застыдилась этого признания. Не хватало, чтобы милиционеры подумали о ней невесть чего. Но видно ничего уж не поделаешь. У них работа такая. А она кривить душой не стала. Посчитала, что не имеет смысла. Да и соседи Григория Петровича однажды видели ее, входящей в его квартиру.

– Понятно, – несколько иронично отреагировал Грек на такое признание. А женщина повела бровями, этим давая понять, что она уже давно не девочка и не имеет смысла убеждать окружающих в своей невинности. А если ее откровенность кого-то тут не устраивает, она и вовсе может помолчать. И она замолчала.

Федор обернулся к безучастно наблюдавшему за этим разговором эксперту Семину.

– Ты приехал сюда вместе с оперативно поисковой группой Ларина?

Семин кивнул, догадываясь, о чем подумал Туманов.

– Нет, перстня на руке у него не было. Это точно, – сказал Семин.

– Так. Значит, перстень похищен, – задумчиво протянул Федор и добавил: – Остается подождать заключения по поводу смерти.

Видя, что она здесь больше не нужна, Зотова попросила:

– Я могу быть свободна? Дел полно. К нам сегодня должна поступить очередная партия ювелирных изделий. Обычно на приемке всегда был Григорий Петрович. Но сейчас.... Надеюсь, вы меня понимаете? Теперь работать с поставщиками придется мне...

Федор решил, что нет смысла больше задерживать заместительницу покойного Романовского. Глядя на нее, майору показалось, что, находясь здесь, женщина делает неполные вдохи, словно тут витает дух умершего, и она опасается, что он, не обремененный телесной оболочкой, может с легкостью проникнуть в ее нутро. Не понятно, насколько комфортно будет ему там, если такое случится. Но что женщина не делала полные вдохи, это было очевидным. Хотя в квартире, по мнению Федора, Грека и Ваняшина, покойником не пахло. А может, привыкли они и перестали ощущать этот запах, чего нельзя сказать о женщине, Ирине Зотовой. Утонченная натура. Не зря же она то и дело подносила платочек к носу, втягивая запах духов.

Стоило Зотовой выйти, как Грек, покосившись на закрытую дверь, сказал немного сердито:

– Мне эта мадам не понравилась.

Федор удивился такому раскладу. Уж чего-чего, а про женщин такое Грек говорил редко. Хотелось бы узнать причину. И Федор спросил:

– Почему?

– Почему? А что ты думаешь, Николаич, по поводу того, как она осматривала квартиру?

– Так она же сказала, что была тут пару раз, – это было не оправданием Зотовой, а скорее желание докопаться до истины, которую Грек расценивал по-своему.

– И ты ей веришь? – спросил он с усмешкой, сверля Федора своими черными глазами. Федор пожал плечами.

– Ну, не совсем. Но частично верю.

– А я нет, – категорично заявил Грек. – Не договаривает она что-то. Уж кому, кому, а ей смерть Романовского выгодна в первую очередь.

Молчавший до этого капитан Семин, не выдержал.

– Сейчас, я думаю, преждевременно выдвигать различные доводы. Сначала надо провести экспертизу, а уж потом строить домыслы. Даже если удастся установить причины заставившие человека влезть в петлю, то привлечь к уголовной ответственности никого не удастся.

Все посмотрели на Семину, и он немного смутившись, все-таки закончил свою мысль:

– Мне почему-то кажется, что эта Зотова не имеет никакого отношения к смерти Романовского. Скорее всего, он сам запутался. В делах. В жизни. Так бывает, когда у человека все есть и стремиться уже не к чему. Разве что к вечному покою. Мне кажется, так и в его случаи. Если, конечно, он сам, – Семин не договорил и возвел глаза к потолку, этим жестом давая понять, где нашел себе покой Романовский.

* * *

В том, что закон подлости существует, Федору сомневаться не пришлось. Едва он и его сотоварищи собрались разбежаться по домам, как в кабинет майора пришел криминалист Семин и голосом лишенным всяких эмоций сообщил, что в случаи с Романовским имеется не самоубийство, а, как он и предполагал, чистейшее убийство. В подтверждение своих слов Семин положил официальное заключение, скрепленное подписью судмедэксперта и печатью.

– Вот так, господа сыщики, – подчеркнуто закончил криминалист.

Федор промолчал. А вот Грек с Ваняшиным не смогли сдержать нахлынувшие эмоции. Семин хотел вежливо откланяться, но бесцеремонный Грек ухватил его за рукав пиджака и, усадив обратно на стул, сказал:

– погоди, не убегай. Объясни нам, как это произошло? Убийца что, засунул Романовского в петлю, подождал, пока тот кончится, а потом попросил, чтобы труп запер за ним дверь. Так что ли, по-твоему?

– Нелепица, какая-то, – поддержал Грека лейтенант Ваняшин. И только Федор Туманов по-прежнему молчал. Хотя и у него были кое-какие вопросы к Семину. Но он решил прежде дать возможность высказаться Греку с Ваняшиным.

– Да и судя по телосложению, Романовский был не слабаком. С трудом вериться, чтобы он вот так просто впустил к себе убийцу, разделся до трусов, а потом позволил тому себя убить столь, варварским способом, – сказал Грек.

Семин только успевал крутить головой то на одного, то на другого. И Федор подумал, что если сейчас подключится и он, шейные позвонки Семина не выдержат. В конце концов, его голова не юла, чтобы вот так крутить ею. Поражало другое, с каким терпением криминалист выслушивал напористых оперов. И только, когда Грек с Ваняшиным устали от нападок, он заговорил:

– Друзья мои, во-первых, я не сказал, каким образом убийца очутился в квартире Романовского. Это пока для меня, как и для вас, остается загадкой. Во-вторых, вы забыли про укол на ноге Романовского. Федору Николаевичу я показывал его. Так вот по заключению судмедэксперта, он привел к парализации мышц и остановке сердца. Вот почему Романовский не оказал убийце сопротивления и на его теле нет следов борьбы. После укола, он был просто не в состоянии оказать сопротивления. И вообще, судя по разобранной постели и потому, что Романовский был в трусах, он спал, когда все это произошло.

– А может он был в постели с женщиной? – вспомнил Грек про заместительницу Романовского, Зотову. Но Семин начисто отверг его предположение, сказав:

– Исключено. Экспертиза не доказала это. Его детородный орган был чистеньким, как у младенца.

– Ладно. Допустим, все так и есть. Но вот ты лично, как все происходящее себе представляешь? Как преступник оказался в квартире? Походил там, побродил, повесил Романовского, а потом испарился? – вмешался в разговор Туманов, смутив Семина целым рядом вопросов. Тот с минуту сидел молча, пожевывая губами, а потом признался как на духу:

– Если честно, Федор Николаевич, то я себе это никак не представляю. По крайней мере, наличия в квартире еще чьих-то следов, я не обнаружил.

– Не дает мне покоя эта открытая форточка, – в раздумье проговорил майор Туманов. А Грек только махнул рукой.

– Да наплюнь ты на нее. Прав Ларин, маленькая она. В нее разве что рахит напуганный войной пролезет. А нормальный мужик, никогда. Да и девятый этаж, это тебе не первый, – сказал он. Туманову оставалось только вздохнуть. Что он тут же сделал. Потом сказал:

– Все так. Согласен. Но вот не выходит она у меня из головы и все тут.

– Это потому, что ты упрямый, Николаич. Ну, форточка, ну и что. На девятом этаже люди спят с открытыми окнами и балконами. А тут и окна все закрыты. И балкон. А наш майор ухватился за открытую форточку, через которую вылетел злодей, – оскалился в улыбке Грек. – Говорю вам, как специалист, тут баба замешана. И далеко ходить не надо. Она была у нас в руках до тех пор, пока Федор Николаевич Туманов не соизволили ее отпустить. Теперь, как говорится, ищи ветра в поле. И виноват в этом будешь ты, майор, – погрозил пальцем Грек.

Федор стойко выдержал такое обвинение Грека. Что сделаешь, если язык без костей, а использует его болтливый Грек по своему усмотрению и не всегда справедливо. В другой раз Федор его болтовню, пожалуй, пропустил бы мимо ушей, но сейчас был тот самый случай, когда требовался вдумчивый подход, а не пустая болтовня усатого капитана. И Федор резко сказал:

– Слушай, специалист, ты можешь помолчать? Несешь всякую чушь.

– Я все могу, – сказал Грек. Глядя на его физиономию, не трудно было понять, что сказанное Федором зацепило Грека. Его черные глаза помрачнели, утратили ко всему происходящему в этом кабинете интерес. Есть начальство, в лице майора Туманова, вот пусть у него голова болит. А он, Грек, человек маленький. Чего ему скажут, то он и будет делать. Сейчас начальство велело ему помолчать, и Грек замолчал. Раз эти балбесы не хотят слушать умного человека, то этот человек помолчит. Прибережет свои умные мысли. Видно не пробил еще его звездный час. Но Грек терпеливый. А если Туманов не хочет его слушать и беспардонно затыкает ему рот, он помолчит. Но пусть этот майоришка не обращается к нему за советом. Грек считал себя не из тех расточительных людей, кто вот так легко готов поделиться своими мыслями, по чьей-то прихоти. Он с обидой покосился на Туманова. Но уже через каких-то двадцать минут, у него отлегло от сердца, и он опять сделался обычным Греком, не в меру болтливым и не всегда по существу. Но такой уж он, капитан, Сан Саныч Греков.

В кабинете Туманова они просидели до позднего вечера, но ни к чему конкретному так и не пришли. И расходились по домам с нехорошим чувством тяжести на душе. Не раз приходилось разгадывать ребусы, которые выстраивали для них преступники. И убийство директора ювелирного магазина, одно из них, в большой череде нескончаемых уголовных дел. Хотелось как-то забыться, отвлечься. Федор заторопился к Даше. Эксперт Семин ушел не прощаясь. Ваняшин что-то там наговорил про очередное свидание. И только Греку спешить было некуда. Он брел по улице. И сам того, не желая, оказался на улице Тимирязева возле ювелирного магазина «Алмаз». Этот магазин совсем недавно принадлежал убитому Романовскому. А теперь...

Грек остановился на противоположной стороне улицы и заглянул в просторное окно, заделанное внушительной узорчатой решеткой.

Возле дверей ювелирного стояли два здоровенных охранника с угрюмыми лицами, и как два цепных кобеля хмуρο вглядывались в лица всех, кто проходил мимо магазина. Их взгляды и вовсе сделались злыми, когда они увидели, что Грек остановился возле окна и с интересом заглядывает в залитый светом торговый зал. И Греку показалось, что сейчас они оба одновременно загавкают. Но этого не произошло. Один из них подошел и, хлопнув Грека по плечу, сказал:

– Гражданин, магазин уже закрыт.

– Да я знаю, – сказал Грек, как бы оправдываясь. – Я просто гляжу. Уж больно красиво там. В глазах рябит от такой роскоши.

– Слушай, мужик, – обратился к нему охранник уже без всякой вежливости, – ты вот чего, не крутись тут под окнами. Отойди в сторонку и гляди. А то нашей директрисе может не понравится, что ты здесь хавальник разеваешь. Понял меня? Лучше иди.

– Ладно, – согласился Грек, не собираясь доводить дело до конфликта. – Как скажете. – Он повернулся и пошел. А, проходя мимо уже знакомого «БМВ» Зотовой, увидел сидящего за рулем мужчину, лицо которого почему-то показалось Греку подозрительным.

Глава 2

Возле своего подъезда Федор увидел белую «девятку», точь в точь такую, как у Ваняшина. На первом этаже поселилась молодая особа, причем одинокая, и в последнее время к ней частенько наведывались мужички. Особа оказалась, женщиной не промах, и устроила сервис на дому, совмещая приятное с необходимым. Она не скрывала свое занятие ни от кого, давая короткие ответы на осуждающие вопросы.

– Жить-то надо как-то, – говорила она интересующимся.

Отчасти, Федор ее понимал. В этой тонко устроенной жизни каждый крутится, как может. А она, наверное, оказалась слабой.

Прямо из прихожей он почувствовал запах духов, которые отличались не только своей изысканностью, но и дороговизной. Даша такими не пользовалась с тех пор, как жила с ним. Значит, у них гость, а вернее – гостыя. И это, не смотря на столь поздний час.

Пройдя по коридору, Федор услышал голоса, доносившиеся из комнаты. Один, Дашин. А другой голос – незнакомой женщины. Дверь в комнату была закрыта, и Федору не представилась возможность услышать, о чем шел разговор. А стоять под дверью и подслушивать, это удел непорядочных людей. Федор себя к таким не относил, поэтому, толкнув дверь, он появился в комнате.

На небольшом столике с резными ножками стояла распечатанная бутылка с шампанским, два фужера, а рядом в вазе фрукты и открытая коробка конфет. Даша сидела на диване, а напротив нее, заложив ногу на ногу, сидела симпатичная красотка. Причем ее белая и без того короткая юбка, задралась до бесстыдства, и когда при его появлении, женщина стала вставать, Федор успел разглядеть ее полупрозрачные трусики и даже кое-что под ними. Еще у нее были стройные ножки, на которые майор сразу обратил внимания.

Федор не мог поручиться, заметила ли Даша, как он посмотрел на трусики девушки и ее ножки, но вот то, что это заметила сама девушка, он понял сразу. Она улыбнулась, как бы укорив его за нахальство, потом, поглядев на Дашу, сказала:

– Дашенька, я пойду. Поздно уже. И спасибо вам, что не отказали.

Федор обалдело заморгал на Дашу глазами. Интересно, в чем, это Даша не отказала ей? И вообще, чем они тут без него занимались? То, что пили шампанское, это понятно. Но ведь было и что-то еще. И Федору не терпелось узнать. Раньше, до поездки на юг, не замечал за Дашей лесбийских пристрастий. Но мир тем и прекрасен, что все в нем меняется, не зависимо, в лучшую или в худшую сторону.

Когда, проводив красавицу, Федор обратился к Даше с этим вопросом, она сначала уставилась на него, как на идиота, а потом расхохоталась.

– Ты что, не здоров на голову? – спросила она, вдоволь насмеявшись.

Федор обиженно посмотрел на Дашу. Хорошенькое замечание.

– Да вроде пока что не замечал за собой ничего такого. А что, проявляются симптомы? – забеспокоился майор. Даша кивнула.

– Еще как проявляются. Хотя бы, судя по тому, о чем ты сейчас подумал. Федор, Федор, – посмотрела она на него с укором. И Туманову ничего другого не оставалось, как стыдливо отвести глаза в сторону.

Кажется, и в самом деле вышел перебор. Вот что, значит, перенапрягся на работе. Не зря штатный психолог, целыми днями без дела болтавшийся по управлению, говорил о том же. Перенапряжение, вредно для здоровья. Но сейчас Федор избавится от него, стоит только уложить Дашу в постель. Но прежде, все-таки не мешало бы выяснить, зачем приходила эта девица красавица.

– Она приезжала в Ялту по делам. А потом мы вместе ехали в Москву.

– Теперь понятно, откуда у нее такой же бронзовый загар, как у тебя, – сказал Федор, потянув носом.

В комнате еще стоял запах ее духов. Казалось, та красotka вовсе не ушла. Стоило ему отвернуться в прихожей, как она проскочила обратно в квартиру и теперь, спрятавшись за широкими шторами, наблюдает, чем Федор тут будет заниматься с Дашей.

Конечно же, в реальности все оказалось иначе. Но Федор все-таки подошел к окну, и чуть откинув штору, заглянул.

Женщина стояла возле белой «девятки», докуривая сигарету. Увидев Федора, улыбнулась улыбкой коварной искусительницы, бросила недокуренную сигарету и уселась за руль. Но уезжать она не спешила. Минуту, другую сидела в машине с не включенным двигателем, как будто обдумывая что-то.

– Ты на кого там смотришь? – не вытерпела Даша. Федор кивнул.

– Да эта, твоя знакомая. Сидит в машине, не уезжает. Наверное, я не вовремя пришел.

– Не говори чепухи, – обиделась Даша. – Просто у нее какие-то проблемы со своим женихом. Сказала, что ей негде ночевать. Попросилась пожить в моей квартире.

Заметив осуждающий взгляд Федора, Даша сказала, как бы оправдываясь:

– Ну посуди сам. Не на улице же ей ночевать? Как ты думаешь?

– А что, кроме тебя у нее знакомых нет? – вопрос был задан с иронией, но Даша стойко выдержала его. Не понимая причину нападок Федора, сказала:

– Знакомых у нее много. Но их всех знает и ее жених. Может приехать и устроить скандал. Обо мне он не знает. Поэтому она и обратилась ко мне. А потом, это всего лишь на неделю. Квартира ведь все равно пустует. Так почему же не выручить человека. Она и деньги оставила. Вот, сто долларов. За неделю проживания, – показала Даша купюру.

Федор опять выглянул в окно и увидел «девятку» уже выезжающую со двора. Показалось, будто красotka на прощанье махнула ему рукой.

«Вот чертовка!» – подумал он и задернул штору.

– Ну, что ты так разошелся, Федор? – Даша подошла сзади и прижалась упругими грудями к его спине. Федор почувствовал, как взволнованно бьется ее сердце. Обернулся и увидел, что Даша уже стоит перед ним в узких ажурных трусиках. Ее домашний халат, покоился на спинке кресла вместе с шелковым полупрозрачным лифчиком.

Увидев, как у Федора при виде ее обнаженного тела, заблестели глаза, Даша, немного смутившись, сказала:

– Я хотела, чтобы ты оценил мой загар. Ну, как?

Федор жадно пожирал ее глазами, как ненасытный самец, наконец-то дорвавшийся до желанной самки. Теперь он не торопясь, рассматривал ее всю, концентрируя внимания на тех местах, которые были не доступны для солнечных лучей. Одно из них скрывалось под узкими ажурными трусиками. Он опустил руки, запустив пальцы под тонкие резинки на бедрах.

– Ты знаешь, оценка будет не полной, если я не загляну... – он опустил глаза, взглядом указывая, куда бы хотел заглянуть.

От его прикосновения Даша возбужденно задышала и провела кончиком языка по влажным губам.

– Федор... я не могу больше терпеть. Я терпела столько дней...

Он поцеловал ее, бережно укладывая на диван лицом вниз. Повинуясь его желанию, Даша изогнулась, оттопырив круглую попку, и когда его руки погладили ее и опустились к влажному паху, застонала, давая выход переполнявшим чувствам.

Утром Федор пришел на работу, не выспавшись. Наверное, это отражалось на его лице, потому что Грек с Ваняшиным внимательно посмотрели на него, но и тот, ни другой, ничего

не сказали. Ваняшин сидел на подоконнике, и вяло поглядывал на тротуар, видневшийся из майорского кабинета, а Грек вертел в руках зажигалку.

Федор достал из пачки сигарету, сунул ее в рот и взял из руки Грека зажигалку. Сделав пару глубоких затяжек, заглянул в равнодушное ко всему лицо Ваняшина, потом в скучающую физиономию капитана Грекова и спросил, обращаясь к обоим:

– Ну, что у нас там?

Вопрос прозвучал так нелепо, что скучающая усатая физиономия тут же преобразилась в крайне озабоченную. И Грек сказал:

– А что вы, товарищ майор, подразумеваете под словом «там»?

– Да ладно тебе, – отмахнулся Федор. – Не цепляйся. Ты прекрасно знаешь, о чем я. Не строй из себя непонимашку.

– Не знаю, – Грек скроил тупую физиономию и развел руками.

Ваняшин с интересом уставился на Грека, ожидая, чем же закончится эта словесная перепалка двух старослужащих, один из которых пришел сегодня в плохом настроении. Им был Грек. Возвращаясь после прогулки от ювелирного магазина, он встретил миловидную женщину, которую, после короткого общения, пригласил домой. Проснувшись под утро, он вдруг обнаружил, что красотка исчезла из квартиры, прихватив его бумажник вместе с деньгами.

– И чего обидно-то, – пожаловался Грек, искоса поглядывая на усмехающегося лейтенанта, – в нем была вся моя зарплата. Лешка, перестань издеваться, – взвыл от обиды капитан. – Когда-нибудь и ты попадешь в такую же ситуацию, потому что такой же бабник, как и я.

Ваняшин упрямо покачал головой, что еще больше огорчило Грека, и сказал с ехидцей:

– Не-ка, не попаду.

– Это почему же? – с обидой спросил Грек.

– А я не такой лох, как ты, – последовала очередная насмешка, от которой Греку стало не по себе. Он кивнул на Ваняшина и сказал Федору:

– Видал?

Ожидал от Федора сочувствия, но вместо этого Туманов сказал:

– Лешка прав. За каким ты эту шмару домой к себе притащил?

– Так ведь думал она порядочная женщина. Личико такое чистенькое, проникновенное. Глазки доверчивые. Хлопает ресничками, как куколка. Ну, думаю, Сан Саныч, вот тот случай, который дается мужику раз в жизни. Не упусти его.

– Ну ты и не упустил? – покачал головой Туманов. Грек вздохнул.

– Ага. Не упустил, – сказал он. – Теперь, братцы, на душе у меня тяжело, а в кармане легко. Ни бумажника, ни денег.

– Сам виноват, – осуждающе произнес Туманов. А Ваняшин добавил:

– Ты, Сан Саныч, совсем того. Ну, какая нормальная баба будет шастать по улицам в два часа ночи, ресничками хлопать.

Понимая, что сочувствия со стороны приятелей ему не дожидаться, Грек виновато опустил голову и проговорил невесело:

– Не везет мне на баб. По жизни не везет. Федор Николаич, спаситель, не дай с голоду помереть, выручи до получки. А то хоть с протянутой рукой стой на дороге.

– Лучше с дубиной. Тогда граждане охотней расстанутся со своими деньгами, – шутиливо посоветовал Ваняшин. Но Грек шутки не понял.

– И как таких только в оперативники берут. Слышал, Николаич, чего он мне советует?

– Да слышал, – с неохотой отозвался Федор, рыская по карманам. Утром, когда уходил на работу, Даша дала ему две пятисот рублевки, чтобы он прикупил продуктов. Теперь пришлось с деньгами расстаться.

– На, – выложил Федор на стол перед Греком деньги, думая, как потом придется объясняться перед Дашей. Ведь она просто не поймет, если он расскажет о том, что случилось с растяпой Греком.

– А больше она у тебя ничего не утащила? – обеспокоено поинтересовался Федор. А то ведь этот Грек не постесняется, может попросить что-нибудь и из одежды.

Усатая морда сделалась крайне задумчивой. Видно Грек кумекал, что еще могло пропасть из квартиры. Потом сказал, так до конца и не перебрав все в памяти:

– Так, вроде, все цело. Холодильник, телевизор, на месте. Да и гардероб с диваном...

– И то хорошо, – успокоился Федор за то, что новых просьб не последует. Увидев, как сразу повеселела кислая физиономия Грека, спросил раздраженно:

– Ты чему радуешься? Тому, что обул меня на «штуку»?

– Да не, – махнул рукой Грек. – Это моя ошибка, мне и расплачиваться, – деловито сказал он. А Федор уместно заметил:

– Но пока что пришлось расплатиться мне. Для меня эта «штука» тоже не лишняя. В следующий раз будь, поумней.

– Буду, – пообещал Грек и тут же переключился на другое: – Только я не об этом хотел сказать. Вот, – он положил на стол перед Федором распечатку фоторобота с изображением лица мужчины.

Федор посмотрел.

– Это что за рожа?

Ваняшин спрыгнул с подоконника, подошел к столу.

– Дайте-ка и мне поглядеть?

Федор передал ему распечатку и вопросительно уставился в черные глаза Грека, ожидая от того подробных разъяснений.

– Я вчера не сидел, сложа руки, – сказал Грек, а Федор, вспомнив, как его обула ночная «бабочка», улыбнулся, по достоинству оценивая ее опыт. Вряд ли бы Грек расплатился с ней за приятно проведенные минуты. Когда он, уморившись, придремал, она сама взяла то, что ей причиталось. Правда, там, в бумажнике оказалось немного лишнего. Хотя по этой жизни лишнего не бывает. Просто Грек лопухнулся.

– Да мы уже поняли, куда ты тянул свои ручонки, – подковырнул Федор Грека. Но смущения на его лице на этот раз не заметил.

– Да нет, Николаич. Это совсем не то. Понимаешь, вчера я решил прогуляться до ювелирного магазина, – сказал Грек и замолчал.

– Это еще зачем? – спросил Туманов, с интересом заглядывая в черные, плутоватые глаза капитана. Тот не знал, куда их спрятать. Не скажешь же вот так, что ему понравилась заместительница Романовского и как у влюбленного юнца, вдруг вспыхнуло желание ее увидеть. Во-первых, возраст далеко не юношеский. А во-вторых, глупо вот так ни с того ни с сего, сломя голову бежать на другой конец Москвы, только для того, чтобы посмотреть на нее и как отверженному корнету возвратиться восвояси. И Грек решил схитрить. Сказал:

– Помнишь, Николаич, я говорил тебе вчера, что в смерти Романовского без женщины не обошлось?..

Припоминая вчерашний разговор, Туманов покачал головой.

– Опять ты за свое? Вот дались тебе женщины.

Грек подвинулся вместе со стулом поближе к столу и ткнул пальцем в распечатку.

– Как ты думаешь, кто это? – спросил Грек, выжидающе глядя на майора Туманова. Федор задумчиво хмыкнул, потом признался:

– Ну, я не знаю.

– Вот именно, что не знаешь, – неодобрительно произнес Грек. – А это, между прочим, довольно известный подмосковный авторитет Сергей Шаров, с погонялом Шарик.

– Ну и что? – пока все то, о чем не договаривал Грек, до Федора не доходило. В его понятии, Грек не былшибко гениальным, но иногда само собой получалось, что его рассуждения оказывались недалекими от истины. Возможно, как раз сейчас был похожий случай.

– А то, что этого человека вчера вечером я видел сидящим в машине Зотовой возле ювелирного магазина. И призадумался я тогда, братцы, что связывает, вроде бы законопослушную гражданку Зотову и крупного криминального авторитета, недавно отчалившего из мест весьма отдаленных, – Грек замолчал, ощущая себя полководцем на белом коне, когда все внимание бравого войска нацелено только на него и чутко улавливается каждое произнесенное им слово. Он посмотрел сначала на Туманова. Удовлетворенно крикнул. Потом на лейтенанта Ваняшина. Этот сидел рядом и, уставившись в угол майорского стола, ковырял ногтем отколотую щепочку. Глядя на него, Грек вздохнул и, испытывая необходимость продолжить, заговорил:

– А то, что вышеупомянутая гражданка, очень заинтересована в смерти Романовского. Директорское кресло освободилось и с помощью авторитета Шарика, она сядет в это кресло. Вот увидите. И с устранением Романовского ей помог не кто иной, как этот Шарик.

Грек опять замолчал, уставился на Федора. Безучастное ко всему лицо лейтенанта Ваняшина его вовсе не интересовало. Грек ждал, чем на его доводы ответит майор. И майор ответил:

– Такое даже вполне может быть. Но нам нужны доказательства, Саша. Ты же не первый год в розыске. Факты – и доказательства. Вот.

Но капитан Греков был настроен более, чем решительно.

– Будут доказательства. Надо только взять Шарика, привезти сюда и постараться расколоть. А потом и эту цацу, Зотову. Тоже мне, вся из себя, – Грек чуть не сплюнул от злости. Крутит любовь с уголовником. И еще к такой заразе Грек мечтал подкатить. Хорошо вовремя понял, что она за штучка. Вот только бы еще в этом убедить и Туманова.

– Ты чего на нее взъелся? – вступился Ваняшин за заместительницу Романовского. Считал отношение Грека к ней предвзятым, лишенным всяких оснований. Если так разобратся, женщина она довольно симпатичная, и ничего ему не сделала плохого. А все, что касается ее, о чем тут наговорил Грек, как справедливо заметил Туманов, требует доказательств. И любить ей никого не запрещено, хоть уголовника, хоть милиционера. Право выбора за ней. И она сделала свой выбор.

– Ты, Лешка, не заступайся за нее, – в голосе усатого капитана было больше обиды, чем просьбы. Грек уже стал подозревать, а не запал ли этот бабник на симпатичную заместительницу директора?

– Да я и не думал, – приложил обе руки к груди Ваняшин. – Я просто понять хочу, почему у тебя к ней столько неприязни?

– А ты видел, как она носом водила на нас с тобой в квартире убитого директора. На Николаича так смотрит, а на нас по-другому. Словно от нас дерьмом несет. Тоже мне цаца. Видел я таких знаешь где?

– Не знаю, от кого как несет, а только это еще не аргумент, заранее настраивать себя против нее, – строго заметил Туманов. – Она ведь даже еще не попала в разряд подозреваемых. И Романовского она не убивала и не могла убить.

Но Грек решил стоять на своем до конца, все еще ощущая на себе лавры полководца.

– Ничего, попадет. Вот расколом Шарика, тогда и выяснится, кто из нас был прав, – заявил усатый упрямец. – Печенкой чую, без нее тут не обошлось. Жаль, только коллеги мои этого пока не понимают, – упрекнул он Туманова с Ваняшиным.

Глава 3

Сергею Шарову, по кличке Шарик, в этот вечер не фартило. Приехав в казино на Багратионовской, он за какой-то час проиграл почти две тысячи долларов. В кармане оставалась последняя сотка, а этого даже не хватит, чтобы откупиться от гаишников, если он попадетсЯ им пьяным за рулем. Но Шарик не отказал себе в удовольствии пропустить с горя пару стопок виски, хотя и до этого уже был изрядно заряженным.

Каждый раз, приходя сюда, даже не задумываясь, сколько здесь просаживает денег он и ему подобные. Хотя считать копейку умел. Но, переступая порог игрового заведения, забывал обо всем. Азарт брал верх над здравым рассудком и дело даже не в выигрыше. Хотя частенько случалось и такое, и удача выпадала Шарову в виде долларовых купюр. Вот как вчера. Вчера он выиграл семьсот долларов. А сегодня проигрался в пух и прах. Хорошо, что его подружка не видит.

Он прошел в бар, где при его появлении бармен, скрывая ехидную улыбку по поводу проигрыша, приветливо кивнул. Рядом подсел какой-то усатый хлюст и участливо спросил: – Что, не повезло?

Шарик даже не взглянул, как следует на него. Так, повел краем глаза. И какой прок от его участия? Раздобыть денег, он может и сам, а изменить фортуна этот хлюст все равно не сможет. Если уж не везет, то по крупному. Вот как сейчас. Сидевший рядом хлюст, ядовито хихикнул, что особенно не понравилось Шарик, и вдруг исчез куда-то. И не успел Шарик опрокинуть пару стопок и расплатиться с барменом, как к нему подошел насмерть перепуганный администратор заведения с двумя типами. Морды у обоих наглые, похуже, чем у Шарика.

Шарик хмуро взглянул на обоих. Бандитское чутье подсказало, что перед ним, никто иной, как менты. Таких по ромам видно. Один молодой, совсем еще сосунок с наглым оскалом. Другой посерьезней, постарше и видно покрепче будет.

Шарик ухмыльнулся. Не за что ментам цапнуть его. Зря время тратят господа легавые. Чист Шарик. Пора бы усвоить этим наглецам, что даже бандиты не ходят в казино с оружием. А свой «Глок», с которым Шарик разлучался в самых редких случаях, он оставил в «БМВ» своей любовницы. Так что, давайте, шмонайте, господа хорошие. А Шарик потом на вас жалобу подаст. А может и не подаст. Черт бы с вами, раз у вас такая собачья работа. Век бы вас не видеть.

Администратор взглянул на Шарика виноватыми глазами и пролепетал чуть заикающимся голосом:

– Извините...

Шарик удовлетворенно кивнул. Пока его все устраивало. И обращение в том числе. А с этим прощальгой администратором он потом побазарит. Будет еще время. Пару ударов по зубам будет администратору компенсацией за извинения. А как же иначе?

– Не могли бы вы пройти в мой кабинет, – прозвучало очень ласково, а главное, с участием, как если бы палач, прежде чем совершить казнь, вздумал поинтересоваться состоянием здоровья обреченного на смерть.

– Я могу, – не подозревая ни о чем плохом, ответил Шарик, но захотелось покапризничать, и он сказал: – Только я не пойму, в чем дело.

– Нам надо поговорить, – сказал тот, что был постарше и посерьезней. – Я оперуполномоченный уголовного розыска, майор Туманов.

На лице Шарика впервые отобразилась печать задумчивости. Чем он успел насолить операм. Но, как бы там не было, уединяться ему с ними в кабинете администратора не стоит. Потом братки могут не так понять. А если это задержание, то пусть предъявят основания и в

присутствии понятых. Об этом он и попытался сказать майору Туманову, но разве проймешь такого. Опер, это ведь не простой мент.

– Понятые тут, – сказал майор. – Дозвольте гражданин взглянуть на содержимое ваших карманов, – не то попросил, не то потребовал майор. Скорее, было второе. Впрочем, Шарику было все равно.

В качестве понятых были взяты двое охранников казино. Сопровождавший майора соплик с нагловатым лицом стал выкладывать на стойку бара все, что находилось в карманах у Шарика, а майор достал небольшую видеокамеру, поочередно отслеживая за каждым предметом и заснимая действия сотрудника на видеокассету.

Шарику было не понятно, что они надеялись отыскать у него в карманах. Идиоты!

– Если вы ищите, атомную бомбу, то я храню ее не здесь, а поближе к яйцам, – нагловато пошутил Шарик, растопырив руки и оперевшись ими в стойку бара, как того потребовали опера.

Майор на шутку авторитета промолчал, а его молодой помощник, посмеиваясь, проговорил:

– Не гоношись, Шарик. Доберемся и до твоих яиц.

– Ну, ну, валяй, добирайся, – с пренебрежением к молодому оперу проговорил Шарик и отвернулся. И только тут его осенило. Он резко дернулся, но услышал властный голос майора, заставивший его остановиться:

– Стоять!

– У, суки, ментовские, – выдохнул Шарик, увидев, как рядом с его бумажником, лег небольшой целлофановый пакетик с белым порошком.

Молодой наглец производивший досмотр его карманов, как будто удивился.

– Ух, ты, – сказал он, показав пакетик двум охранникам, после чего спросил: – Это, что такое?

Шарик обалдело таращился на пакетик, соображая, каким образом он очутился в его кармане. В конце концов, этот салабон не фокусник. Да и видел Шарик, что не было ничего у того в руке, и достал он этот злосчастный пакетик ни откуда, а из его кармана. Значит...

Шарик взвыл и схватился за голову.

Грек стоял в стороне, возле игрового стола, делал вид, что наблюдает за карточной игрой, а сам искоса поглядывал на Шарика. На лице усатого капитана было самодовольство. Оказывается эти криминальные авторитеты не такие уж и крутые, если он без особого труда сунул Шарику в карман пакетик с героином. Порошок пришлось позаимствовать у оперов из отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Те накануне взяли солидного наркодельца. При нем оказалось с полкило героина, расфасованного в целлофановые пакетики по десять грамм, один из которых Грек и выпросил, чтобы положить в карман Шарику. Потом была проведена небольшая слежка. А дальше уж, как говорится, дело техники и завидное умение самого Грека.

Когда-то капитан Греков работал по карманникам, и хвала тем ребятам, но кое, чему капитан у них научился. И сейчас с легкостью продемонстрировал свое мастерство на примере авторитета Шарика.

– Это не мое, – запротестовал Шарик по поводу пакетика, который лейтенант Ваняшин вертел в руках, умудряясь при этом делать вид, будто первый раз его видит. Хотя до того, как попасть в карман к Шарику, этот пакетик лежал в бардачке служебной «Волги».

Ваняшин хищно улыбнулся.

– Как, это не твое? Этот пакетик лежал в боковом кармане твоего пиджака. Свидетели видели, откуда я достал его, – лейтенант посмотрел на охранников.

Те стояли с каменными лицами, и, поймав на себе строгий взгляд оперативника, молча кивнули. В лицо администратора казино было жутко смотреть. Лицо его менялось на гла-

зах. Оно, то бледнело, и тогда на дряблых щеках лысоватого толстяка отчетливо проступали пятна, похожие на трупные, то краснело, и тогда на его крупном лбу блестели капли пота. Губы его подрагивали, словно толстячок что-то хотел сказать и никак не мог собраться с мыслями. Поэтому он тоже таращил заплывшие глазенки на пакетик, и как баран кивал головой.

– Все равно не мое. Я не колюсь и наркотой не торгую. Здесь вам любой скажет, – Шарик немного растерянно пробежал глазами по лицам, с интересом, наблюдавшим за действиями ментов. Потом понял, что с его стороны, это слишком неразумно, выдавать ментам своих знакомых, отвернулся и устался на перепуганного администратора. Тот натянуто улыбнулся и закивал головой.

Ваняшин хмуро глянул на администратора, а Туманов не стал заснимать его дебильную рожу.

– У нас другие сведения, гражданин Шаров. Что, как раз вы приторговываете порошочком. И вот это, – скосил Ваняшин глаза на лежащий пакетик с героином, – лучшее тому подтверждение.

Шарик зло прищурился, уставившись на Ваняшина.

– Ничего я не торгую. Это вы, менты, подставу сделали. Только ума не приложу, зачем, это я вам понадобился. Сказали бы, я и так пришел бы. И не зачем эту комедию ломать.

Быстро заполнив протокол обнаружения, Туманов предложил обоим охранникам расписаться, после чего обоих отпустил.

– Вы тоже можете быть свободны. Спасибо за содействие, – поблагодарил майор администратора, который угукнул в ответ и остался стоять, словно его ноги приросли к полу, тугο соображая, о каком содействии имел в виду милиционер. Он успел заметить, как, услышав это, у Шарика дико завращались глаза. Наверное, тот решил, что это администратор наступал на него. И администратор протяжно вздохнул, сожалея о том, что оказался замешанным в эту историю. Знал бы, что такое произойдет, лучше бы взял больничный и отсиделся дома. А теперь вот только остается гадать, что последует за всем этим.

Видя, что администратор не уходит, майор Туманов посмотрел на него и сказал особенно подчеркнуто:

– Можете идти. Мы вас больше не задерживаем. Спасибо.

С трудом, передвигая вдруг отяжелевшие ноги, толстячок добрал до бармена и кивком указал на литровую бутылку «Посольской». Стоило ему взять бутылку в руки, как администратор сразу же отобрал ее и подвинул себе большой стакан, в который бармен наливал коктейли.

У бармена едва глаза не вылезли на лоб, когда администратор налил в этот стакан водки и, не отрываясь, тут же выпил ее. И после этого скрылся в своем кабинете.

– Поедешь с нами, – сказал Туманов Шарику, убирая пакет с героином. – Экспертиза покажет, какую дрянь ты носишь в карманах.

– Ты так уверенно говоришь, гражданин начальник, как будто заранее знаешь, чего в этом пакете. Я не знаю, а ты, знаешь. А вдруг там окажется мука?

Федор улыбнулся. И как только мог Шарик принять его за наивного глупца. Мука окажется там, где ей и надо оказаться. А тут другое.

– Не окажется. Уж ты мне верь. Так что, лучше пошли. И постарайся вести себя хорошо, чтобы не огорчать нас.

– А то ведь это рикошетом отразится на тебе потом, – добавил Ваняшин. Шарику он не понравился больше, чем майор. Молодой, а напористый этот лейтенантик. Еще чином не вышел, а уже на рога прет. Ну, ничего. И на старуху бывает проруха. Не засадить им Шарика.

– Понятно, – угрюмо произнес Шарик, соображая, как бы побыстрее связаться с адвокатурой. Мог бы сделать это прямо сейчас, да его трубка сотового, теперь в руке у майора.

Вряд ли тот позволит воспользоваться ею. Он шел к выходу следом за майором. Позади, тот молокосос лейтенантик. Дать бы ему сейчас по мусалу, и ноги в руки. Эта мысль не покидала авторитета до тех пор, пока они не очутились на улице, и к ним не присоединился усатый мужик. Шарик постарался припомнить, где видел эту усатую рожу. Точно поручиться не мог, но, кажется, этот козлина подсел к нему возле стойки.

– Ну ты и козел, – обласкал он Грека, когда они подошли в черной «Волге». Он рассчитывал, что сейчас менты посадят его в машину и сразу увезут, но эта усатая рожа, вдруг заулыбалась.

– Погодите-ка, братцы мои! Что же мы делаем? Мы увозим господина Шарика на такой колымаге, а как же «БМВ» мадам Зотовой? – с усмешкой проговорил Грек, сверля авторитета своими черными, жгучими глазами.

Шарик стойко выдержал этот взгляд и процедил сквозь зубы:

– Чего пялишься, мент? Я не пидор, чтоб на меня так смотреть.

Грек самодовольно хихикнул и сказал:

– У тебя еще все впереди. Может, еще станешь.

– Чего? – Шарик угрожающе шагнул, но тут же наскочил на кулак майора. Туманов легонько ткнул его с левой в печень.

От этого удара Шарик охнул и стал оседать, как подкошенный. Греку только оставалось открыть заднюю дверь служебной «Волги». Авторитета даже не пришлось упрашивать сесть. Его тело так отяжелело, что подвернувшееся под задницу сиденье, оказалось, очень кстати. И Шарик сжался и рухнул на него, бормоча проклятия на майора.

– Ничего, это скоро пройдет, – успокоил его Грек. А появившийся Ваняшин аккуратно, двумя пальчиками держал за конец ствола «Глок».

Шарик посмотрел мутноватыми глазами на пистолет. И почему дома его не оставил. Сейчас бы не было у ментов такой радости.

– Вот. Нашел в «БМВ» мадам Зотовой, – радостно объявил Ваняшин.

– Чей ствол? Твой или Зотовой? – спросил Федор, хотя и несколько не сомневался, что заместительница директора ювелирного магазина к этому пистолету не имеет никакого отношения. Просто было интересно узнать, как поведет себя авторитет Шаров.

Шарик облизал пересохшие губы и, опустив голову, проговорил:

– Мой.

– Не слышу, – голос майора заставил Шарика вздрогнуть.

– Мой «Глок», – выкрикнул он. Поднял голову и увидел в руке у майора диктофон. Майор тут же выключил его, а усатый мужик с черными цыганскими глазами, криво усмехнувшись, проговорил:

– Как благородно с твоей стороны. Выгораживаешь Зотову.

Кажется, Шарик не понимал, к чему это было сказано Греком. Пустыми глазами он уставился в окно, мысленно прощаясь со свободой.

* * *

Усевшись на стул, предназначенный для «особо важных гостей» этого кабинета, Шарик почувствовал себя неуютно. Заерзал. Перед ним на столе лежал пакетик с героином и пистолет, обнаруженный в «БМВ». Теперь уже Шарик крупно жалел, что взял его с собой. Да кто ж мог знать, что менты пойдут на подставу. А с другой стороны, чего им на него зубы точить, вроде бы нигде не наследил он. Уж лучше бы не юлили, сказали прямо, чего от него надо. И нечего в молчанку играть. А то сидят, как в рот воды набрали.

Он посмотрел на майора Туманова. Тот сидел, уткнувшись в какие-то бумаги. Усатый мужик, представившийся капитаном Грековым, покуривал, стряхивая пепел в спичечный

коробок. А молодой салобон, взгромоздился на подоконник и таращился в окно. Казалось, каждый из оперативников занят своим, и они напрочь позабыли о присутствующим здесь Шарике, словно его тут нет и не было. И у Шарика появилось вполне оправданное желание, не мешать им, встать и тихонечко уйти. Но только он чуть приподнялся со стула, как майор Туманов бросил на него колкий взгляд, а усатый капитан Греков сказал:

– У тебя что, шило в жопе? Чего ерзаешь?

Шарик грубить ментам в их кабинете не решился. Грубость ни в его пользу. А последствия его несдержанности, отразятся на здоровье, в виде больных почек. Поэтому довольно вежливым тоном произнес:

– Сколько можно сидеть вот так?

– Сколько надо, столько и будешь, – строго заметил Грек. – Торопишься в камеру? Насидишься еще, – пообещал усатый капитан.

Федор по-прежнему отмалчивался, этим действуя Шарiku на нервы. И, в конце концов, тот не выдержал.

– Слушай, гражданин начальник, если у тебя есть ко мне вопросы, то спрашивай. А, сели нету, отведите меня в камеру, – сказал Шарик.

– Торопишься? – с насмешкой спросил Туманов, стараясь угадать, готов ли Шарик к откровенности. Важно было не пропустить этот момент. Он посмотрел на Грека, представляя тому возможность начать. Грек едва заметно кивнул в ответ майору и сказал:

– Не догадываешься, почему ты здесь?

Шарик уставился. Дураком, что ли его считает этот усатый капитан? Покосился на лежащий на столе майора пакетик к героину и рядом лежащий пистолет, потом сказал:

– Гражданин начальник, капитан, ты меня чего, в натуре, за фофана держишь? А у меня ведь три ходки по серьезным статьям.

Поймав его взгляд, Грек понимающе покачал головой.

– Да нет, Шарик, тут не то, о чем ты подумал. Наркотик и пистолет, это все так, мелочевка. Тут дело посерьезней.

Шарик поднял глаза на Грека. О чем мелет этот усач? Какое еще за ним дело? Чего-то этот мент явно не договаривает. Вот только, чего?

– Ты подозреваешься в убийстве, – объявил Грек приговор.

Ваняшин с Греком с трудом удержали разъяренного Шарика на стуле. Если б не браслеты, не известно, чем бы дело кончилось. Кажется, Шарик хотел удариться головой о стену. Грек с Ваняшиным вовремя спасли его от травматизма, усадили обратно на «гостевой» стул.

Отдышавшись, он обвел взглядом лица оперативников и сказал:

– Охренели вы. Под мокруху меня подвести хотите?

– А чего тебя подводить, ты сам себя подвел. Расскажи нам, как ты завалил Романовского? Только, предупреждаю, давай без вранья, начистоту, – потребовал майор Туманов. А Шарик едва усидел на стуле.

– Чего? Я – Романовского?

– Ты, дорогой, ты, – эту фразу Грек произнес так, словно в момент убийства он был в комнате и старательно отследил весь процесс преступления. Чего никак нельзя было сказать про Шарика. Тот только хлопал глазами, соображая, как этим идиотам могла придти в голову такая нелепая мысль. Но, кажется, так и не сообразил.

– Может, еще скажешь, что, и дома у Романовского ты никогда не был? – вдруг спросил Ваняшин, смутив Шарика. Тот молчал, мучительно соображая, стоит ли признаваться. Вот надели опера.

Затянувшееся молчание, стало утомлять. И Грек решил помочь Шарiku. Сказал:

– Напрасно ты не хочешь сознаться. Соседка Романовского видела тебя вечером, выходящим из подъезда. Только не говори, что в этом подъезде у тебя живут знакомые. Со мной такие номера не проходят.

Федор нахмурился, поглядел на Ваняшина, потом на Грека. Ему они ничего не сказали про соседку. Будет им за это. Но все можно простить ради дела. Выходит, Грек был прав, когда утверждал, что Зотова как-то замешана в смерти своего директора. Интересно, какие отговорки предъявит им на этот счет авторитет Шарик?

Шарик долго сидел с низко опущенной головой и молчал. Грек не подгонял его с признанием, только время от времени подмигивал Туманову. Мол, он наш. Еще немного, и он сломается.

Протянув Шарiku сигарету, Грек сочувственно вздохнул.

– Мы ведь понимаем, как тебе нелегко признаться. Не для себя старался. Для сожительницы своей. Хотел, чтобы она заняла место Романовского. Но тебе крупно...

Шарик поднял голову, уставился на усатого Грека, как на идиота, перед которым, отнюдь, не собирался исповедоваться. И сказал:

– Чего ты буробишь, капитан? Какое место?

Не ожидавший такого поворота Грек, опешил. Не проняли Шарика его сочувствия. А жаль. Капитан рассчитывал на другой исход.

– Как? – скрыв за едва заметно улыбкой растерянность, спросил капитан. – Ты хочешь сказать, что никогда не был у Романовского?

– Да был. Был я у него в тот вечер. А на другой день Ирка приехала и сказала, что Романовский повесился. Как хотите, граждане, только я не причастен к его смерти. И в петлю его не совал. У него девятый этаж. Как бы я выбрался из квартиры, дверь-то была закрыта изнутри.

– А откуда ты знаешь, что дверь была заперта изнутри? – подозрительно спросил Федор.

– Ирка сказала. Она ведь там была вместе с вами, – ответил Шарик, как будто удивившись тупости оперов. А еще говорили, что этот Туманов «важняк», работает по серьезным делам. А простого, элементарного понять не может. На него решил спихнуть «мокруху».

Теперь Грек молчал, сосредоточенно о чем-то задумавшись. И по выражению лица капитана, не возможно было понять, верит ли он сам в то, что этот высокий, неуклюжий Шарик, является убийцей Романовского. Теперь самого Грека уже мучили сомнения. Слишком уж прост, кажется этот Шарик. А тот, кто убил директора ювелирного магазина, действовал изощренно. Не с башкой Шарика такие дела делать. Такому не везет не только в казино, но и в жизни. И вполне, могло статься, убийца знал, что Шарик вечером приходил к Романовскому. Возможно, он даже все это время сидел в машине и терпеливо ждал, пока этот идиот Шарик выйдет из подъезда. И когда тот наконец-то вышел, метнулся к лифту. А Романовский подумал, что это вернулся Шарик, открыл дверь и...

Единственное, над, чем мучился Грек, это каким образом убийца вышел из квартиры директора, оставив при этом закрытой изнутри дверь. Это ребус, так ребус. Не вылетел же он как птица в форточку.

Федору позвонил дежурный и сказал, что пришла некая гражданка Зотова и спрашивает его. Часа полтора назад, Федор позвонил ей на сотовый и попросил приехать к ним в управление в связи с задержанием ее сожителя Шарова. И вот она приехала.

– Леш, иди, побеседуй в вашем кабинете, – сказал Федор Ваняшину. Тот уже понял, с кем предстояло побеседовать и по каким вопросам. Кивнул молчком и вышел.

– Ладно, Шаров. Допустим, я тебе верю, – сказал Туманов, а Шарик равнодушно пожал плечами. Мол, как хотите, но другого я вам ничего предложить все равно не могу. А Федор спросил:

– Только я никак в толк не возьму, зачем ты приезжал к Романовскому в тот вечер, когда его убили?

Авторитет исподлобья взглянул на майора Туманова. Вот это уже вопрос по существу. На него у Шарика имелся не существенный ответ, который тут же и последовал от авторитета, едва Федор закончил.

– Гражданин начальник, откуда же я мог знать, что его убьют после моего ухода...

Федор не возражал против такого расклада. Пока все выглядело вроде бы вполне логично. И даже сам Шарик стал держаться как-то уверенней. Оставалось узнать цель его прихода к директору ювелирного магазина. Но, как оказалось, она была вполне обоснованной.

– Месяц назад, Ирка взяла у него семь штук «зелени», чтобы купить тачку... – стал объяснять Шарик, понимая, что внесенная ясность, работает на него. И чем больше ее, тем меньше у ментов подозрений.

– «БМВ»? – уточнил Грек, по поводу машины.

– Ее. Уж очень понравилась ей эта машина. До этого Ирка на «Жигуленке» рассекала. А как Романовский взял ее к себе, на иномарку потянуло. Чтобы фарсу побольше было. Бабы без этого не могут. Как же, заместительница директора, – Шарик чуть не плюнул на пол, так стало тошно. Уж и пожалел, что связался с этой лярвой. Позарился на ее четырех комнатную «хату». Да и баба она обеспеченная. За тридцать, а детей нету. И живет в свое удовольствие. Бабенка ладненькая. Чего такую не попялить. Переночевал раз, другой, да так и остался. Стал вроде «крышей» для нее. Местные бандюки узнали, что Ирка живет с авторитетом, перестали на нее наезжать.

– Ну, продолжай, – предложил Федор, видя, что молчание Шарика затянулось. – Мы тебя внимательно слушаем. Говори, чего дальше было.

– А, чего было. Ирка три штуки вернула ему. Почти сразу. А с остальными, задержка вышла. Ну и попросила меня, чтобы я поговорил с ним. Оттянуть долг. Ну, я на работе с ним говорить не стал. Там некогда. Приехал к Романовскому домой.

– Ты ему угрожал? – спросил Грек, хотя теперь, после того, как Романовского не стало, какая была разница, угрожал ли Шарик ему тогда, или нет. Авторитет холодно взглянул на усатого капитана и сказал:

– Ничего я ему не угрожал. Просто поговорили. Я ему обещал помочь, если на него наедут, а он усмехнулся и сказал, что за ним стоят такие люди, о которых мне лучше и не знать. Они его защитят от любого наезда.

– Так и сказал? – спросил Туманов, чем вызвал у Шарика недоумение.

– А чего мне врать? – как будто обиделся тот. – И вообще, мне кажется, он никого не боялся. Как я узнал, никто из местных ни разу не наезжал на его ювелирный. А как такое может быть, чтобы на такой магазин и не наезжали? Значит, крыша у него ой, ей, ей, – поднял Шарик глаза кверху и тут же опустил их.

– Ну и чего дальше было? – не унимался Федор, и своим вопросом вызвал у авторитета раздражение. Так домогаться может только отверженный пылкий влюбленный. Но все дело в том, что Шарик не был «голубым», и майор Туманов в него не влюблялся, а беседу вел по долгу работы. Отсюда и упрямство, чтобы заставить авторитета пооткровенничать. Да и сам Шарик не собирался молчать. Под убийство Романовского он подписываться не собирался. Поэтому охотно рассказал, как у него с Романовским происходил разговор. По мнению самого Шарика, происходил он нормально, и они друг друга поняли.

Шарик повел плечами. Рукам неудобно было в тесных «браслетах». Пальцы стали белеть. Заметив это, Федор сказал Греку:

– Сними с него наручники. Никуда он отсюда не денется.

Шарик улыбнулся.

– Много чего о тебе, майор, доводилось слышать, а вот так встретиться не приходилось, – сказал Шарик, как бы в благодарность за проявление заботы. Увидел майор, что у него отекают руки, и сжалился. Хотя не дитя он, и должен знать, жалость нехорошее качество при его работе. Авторитет, это тебе не дева красная. Но все равно, Шарик был признателен майору. Размяв руки, продолжил:

– Этот Романовский, был нормальный мужик. Посидели мы с ним, побазарили. И он согласился подождать с долгом. Он не бедствовал. Для него тысяча, другая долларов, так.

– И ты ушел? – продолжил за Шарика Туманов.

– А чего мне было там еще делать? Поговорили, и я ушел.

– Во-сколько? – спросил Грек.

– Сейчас, – Шарик напряг память. – Пришел я к нему около десяти. А ушел, наверное, около одиннадцати. Даже немного попозже. Он немного датый был. Еще мне предложил выпить, но я отказался, так как был за рулем. Надоело деньги гаишникам отстегивать. Слушай, гражданин начальник, отпустил бы ты меня, а? Завтра у Ирки день рождения. Неудобно будет, если не поздравлю. Войди в положение. А я подписку тебе дам. А? – попросил Шарик, видя, что отношение к нему со стороны оперов совсем и не плохое.

Федор взглянул на Грека. Тот хмыкнул и отвернулся, давая понять, что старший здесь Федор, а стало быть, и решать ему. Ну, а Туманов пока не стал ничего обещать. В соседнем кабинете Ваняшин беседовал с Ириной Зотовой, и теперь все зависело от правдивости ее показаний и Шарика. Только сопоставив их, Федор был готов принять решение. Когда Ваняшин положил на стол перед ним объяснение, собственноручно написанное Зотовой, Федор прочитал его. На первый взгляд, вроде бы вот она, причина, чтобы убить Романовского. Не возвращать ему долг. Но это слишком мелко, обывательски. При ежемесячной зарплате Зотовой в две тысячи долларов, она может вернуть долг за два месяца. Уж их-то Романовский мог подождать, тем более для женщины, с которой он пару раз переспал. Если пойти по банальному пути, то несложно выстроить и обвинение, хотя все равно доказать причастность Шарова к убийству будет нелегко. В квартире нет его следов. Нет отпечатков пальцев. И вообще, много чего нет. Есть человек с уголовным прошлым и не менее темным настоящим. Но он человек и ему не чуждо проявление человеческих чувств. Вон просится отпустить его на день рождения к любимой женщине.

– Ладно, Шаров. Я отпущу тебя, – сказал Федор. Заметил, как неодобрительно посмотрел на него Грек, но возражать капитан не стал.

– Вот спасибо, гражданин начальник. Уважил. Ты хоть и мент, а с понятием, не чета другим, – холодный взгляд Шарика метнулся на усатого капитана и тут же подобрел, когда он опять посмотрел в глаза Туманову. – Я приду к тебе, когда скажешь. Даже не сомневайся.

– Слово даешь? – спросил Федор.

– Даю, гражданин начальник. Никуда не денусь. Можешь не беспокоиться. Если Шарик дает слово, то будь спокоен, он его сдержит.

Он вопросительно уставился на Туманова. Федор прикинул расписание на завтрашний день и сказал:

– Вот что, Шаров. Давай-ка, приходи после завтра, часикам к десяти. Буду тебя ждать. Можешь считать, что наркоту мы тебе прощаем, а за пистолетик придется ответить.

– Отвечу, – пообещал на радостях Шарик. – За него мне светит от силы двушник. А если попадется судья с понятием, то может и условный срок даст, – он весело подмигнул Федору. – Не все же менты звери. И судьи тоже. Благодарю за отзывчивость, гражданин начальник. Можно идти?

Федор махнул рукой.

– Давай, проваливай.

Шарик вскочил со стула.

– А убийцу директора, гражданин начальник, тебе следует поискать среди тех, кто стоял за ним. И его партнеров по бизнесу. Они ребята крутые, скажу я вам, – сказал Шарик и, не прощаясь, выскочил в коридор, где его дожидалась Зотова.

Грек молча закурил. По его лицу Федор понял, что капитан не одобряет его поступок. Поэтому спросил:

– Не одобряешь?

Грек ответил не сразу. Помолчал, как бы что-то обдумывая, потом сказал осуждающе:

– Ты сам всегда говорил, что в уголовном розыске не место сантиментам. И вдруг такое проявление сочувствия к уголовнику. Не понимаю.

– Отчасти ты прав, – Федор занял нейтральную позицию.

– А если он смоемся? – предупреждающе спросил Грек, намекнув на то, что Шаров еще не вышел из здания и его можно остановить. Для этого надо только поднять трубку прямого телефона с дежурной частью. И во власти майора Туманова это сделать.

– Даже если такое произойдет, я не буду особенно жалеть. Ведь к убийству директора ювелирного магазина он не имеет отношения. Разве ты это еще не понял, – немного с сожалением к Греку, произнес Федор. Но иногда упрямство капитана тонко граничило со здравым рассудком. И сейчас оно явно проявлялось. Отступить Грек не хотел.

– Но в «БМВ» был его пистолет, – заупрямился Грек.

– Пистолет мы отправим на экспертизу, – пообещал Федор и добавил, чтобы успокоить Грека: – И за него он будет отвечать. Не беспокойся.

Героин придется вернуть обнонцам.

– Выходит, я зря старался?

– Нет. Не зря. Кое-что нам, все-таки, удалось узнать...

Грек вопросительно уставился на Туманова, и Федор объяснил:

– Ты не забыл, Шарик говорил о партнерах Романовского и о тех, кто стоял за ним. Это ведь наводка. Нам не мешало бы узнать, кто они.

Грек понимающе кивнул, соглашаясь с майором. Докурил сигарету и, притушив окурок, сказал с некоторой долей сожаления:

– Знаешь, чем наша работа отличается от работы простых оперов? – и, не дожидаясь, что ответит Федор, продолжил: – Те крутятся с мелочевкой, а мы влезает в такие дела, что того гляди, без башки останешься.

Федор посмотрел в глаза Греку и заметил в них грусть. Спросил:

– Ты, это к чему?

Грек вздохнул. Теперь он не выглядел таким веселым, каким его привыкли видеть Федор с Ваняшиным.

– На душе у меня что-то тяжело, – сказал Грек. – Надоело все к чертям.

Туманов постарался усмехнуться и сказал с долей оптимизма:

– Брось, Саня. А устал ты, потому что работаем на пределе. Как волы.

Грек на это ничего не сказал, только невесело улыбнулся, а Федор взглянул на часы. Обещался позвонить Даше и забыл. Схватил трубку.

– Сань, извини. Я отвлекусь на минуту. Дашке нужно позвонить. Заболтался с тобой и забыл.

Грек понимающе кивнул.

– Давай, давай. Я пока перекурю в коридоре, – сказал он и как человек тактичный, вышел. Федор улыбнулся ему вослед и набрал номер. А когда потом выглянул в коридор, чтобы позвать Грека, того уже там не было.

Глава 4

Раньше Ирина никогда не задумывалась о том, что собственное лицо может так не нравиться. Когда ей было двадцать, жизнь казалась неизмеримо долгой, и потому она не спешила выскакивать замуж, как это делали ее подруги. Многие потом при встречах не раз и не два плакались ей за столь опрометчивый шаг. Семейная жизнь не была такой счастливой, как это казалось на первый взгляд. Только куча проблем, одна из которых – дети. Молодые мамы утратили свободу и, как это не горько сознавать, чувство собственного достоинства. Теперь они принадлежали своим малюткам, а еще мужьям эгоистам.

Ирина молила бога, чтобы подобное не удалось пережить. Она сумела окончить Плехановский институт, причем с красным дипломом, устроиться на хорошую работу и купить новенького «Жигуленка». Но кроме всего этого, она могла гордиться финансовой независимостью, чего не скажешь про подруг, которые постоянно бегали к ней и выклянчивали втайне от мужей деньги, чтобы приобрести кое-что из шмоток. И глядя в их слезливые мордашки, Ирина не могла отказать. Кажется, она вообще не умела отказывать никому и ни в чем. И первым ее мужчиной был однокурсник, которому она не смогла отказать и рассталась с девственностью в общежитие на его кровати. Тогда, даже так толком и не поняла, была ли между ними любовь. Наверное, не было. Скорее, привязанность. А потом безрассудство, последствия которого остались на всю жизнь. После аборта, на котором настояла сама Ирина, врач сокрушенно развел руками и объявил, что она больше не сможет иметь детей. Тогда она, пожалуй, впервые задумалась о своем будущем. Перспектива карьерного роста, уже не радовала ее. И она проплакала всю ночь, а, утром собираясь на работу, глянула на себя в зеркало и ужаснулась, заметив возле глаз морщинки.

– Что ж ты хочешь, – сказала ей на это мать. – Тебе же не шестнадцать лет. И вообще, пора подумать о замужестве. Годы уходят.

Мать была права. Годы уходили, откладывая на лицо Ирины едва заметные штрихи. Она по-прежнему, оставалась красивой, но что-то уже менялось в ее лице. И Ирина с ужасом стала замечать, что его черты грубеют. Пока незначительно, едва заметно. Но с каждым годом, это проявление делается более отчетливым. Все ее попытки выскочить замуж, заканчивались неудачами, едва избранники узнавали, что у Ирины не будет детей. Предпочитали держать ее как любовницу. Иметь с ней дело было очень выгодно. Во-первых, не надо платить, Ирина и так женщина обеспеченная. А во-вторых, в нее можно кончать и не опасаться, что она забеременеет. Но в конечном итоге, все оканчивалось тем, что мужчины, проводившие с ней не одну ночь, женились на других женщинах. А Ирине приходилось мириться с одиночеством.

В тот момент, когда отчаянье, граничащее с завистью, переполняло ее душу, на горизонте появился Сергей Шаров. С ним ее познакомила приятельница, такая же одинокая, обделенная судьбой, как Ирина. Но в отличие от Ирины, она все-таки сумела побывать замужем и даже обзавелась ребенком. Но, к сожалению, это не было показателем благополучия. Скорее, наоборот. Катастрофически не хватало денег. А энергичный любовник, кроме женского внимания, жаждал сладкой жизни. И тогда приятельница его сосватала Ирине Зотовой.

– Веришь, от сердца его отрываю. Мужик вот такой. В обиде не будешь. Забирай, Ирка, – проговорила приятельница, чуть не расплакавшись.

Дело происходило в ресторане, и присутствующий при разговоре Шарик, кажется, не имел желания возражать. Выпивка и жратва была заказана за счет Ирины. Он заметил, с какой легкостью та расставалась с деньгами, и весь вечер не спускал с нее глаз. Один раз они даже потанцевали. Во время танца Шарик сильнее, чем это следовало бы, прижимал Ирину к себе, и она чувствовала, как его плоть налилась тугой упругостью.

– Ого, – только и сказала она, изобразив на лице легкое смущение, чего не замечала в нагловатых глазах новоиспеченного любовника. Шарик смотрел на нее так, словно здесь, прилюдно собирался раздеть ее и у всех на глазах заняться любовью.

Насчет секса, Ирина не возражала. Но уж никак не в ресторане. Когда они вечером поехали к ней домой, Шарик попросил свернуть в темный переулок. Время было позднее и прохожих не было.

– Останови, – сказал он, дотронувшись до ее колена.

Ирина даже не стала спрашивать, зачем. Только улыбнулась, готовая проявить покорство во всем. Задрожала, когда крепкие руки Шарика обняли ее, притиснули к себе для поцелуя. И не сопротивлялась.

– Может, не здесь, – дрожащим голосом зашептала она, видя, с каким проворством он ее раздевает. – Может, поедem ко мне? Там нам никто не помешает, а здесь могут прохожие...

Шарик оторвался от ее груди, которую уже успел лизнуть и несколько грубовато сказал:

– Да плевал я на прохожих. Я хочу тебя прямо сейчас. Здесь.

И Ирина не решилась возразить. Она видела, как неторопливо его пальцы расстегнули пуговицы на ее юбке. Потом добрались до трусиков. Шарик оказался эстетом и ее нижнее белье оценил по достоинству. Сняв с нее беленькие почти прозрачные трусики, он некоторое время рассматривал их, любуясь каждой узорной вышивкой, а потом поднес к лицу и потянул носом.

От трусиков пахло французскими духами. Шарик сделал несколько больших вдохов, потом посмотрел на полуголую женщину, погладив жесткий пучок золотистых волос на лобке.

Сначала Ирине показалось, что уж слишком затянулась эта подготовительная часть. Они, все-таки, не дома на постели, а на разложенном сиденье ее «Жигулей». Но потом, когда его пальцы опустились чуть ниже лобка и стали производить круговые движения, она испытала такое чувство, будто внутри ее с бешеной скоростью завертелся некий механизм, подталкивающий ее к экстазу. Она закрыла глаза, почувствовав себя парящей высоко над землей. И когда состояние было близко к обморочному, она вдруг почувствовала его. Такого огромного, что, казалось, если он еще поднапрягет, то ее нутро просто не выдержит, разорвется. Она охнула, вцепившись в плечи Шарика, попыталась выползти из-под него, упираясь обеими ногами в панель приборов. И только чувствовала, как он большой и тугой, шевелился в ней, заставляя ее то сжиматься в комок, то вытягиваться, словно струна.

Сколько времени продолжался этот безумный секс, она не помнила. Первое, что она сделала после того, как Шарик слез с нее, это села на сиденье, скрестив ноги и глянув в зеркало, поправила растрепанные волосы. Потом посмотрела на то, чем Шарик едва не довел ее до обморочного состояния, и удивленно вскрикнула.

– Что, это у тебя?

Шарик не понял.

– Где? О чем, ты?

– Да вот же, вот, – она осторожно дотронулась пальцем. – Вот этот бугорок на члене. Что это?

Шарик улыбнулся, погладив ее по волосам. Знакомство состоялось. И судя по всему, Ирина осталась от него в восторге.

– Это у меня там пластмассовый шарик. Когда первый раз на зону попал, ребята баловались. Ну и я...

Ирина потрогала его. Она боялась проколоть себе мочки на ушах, поэтому вместо серег, носила клипсы. А тут шарик, под кожей, да еще на столь интимном месте. И она не удержалась от вопроса.

– Но зачем? У тебя, вроде и так размер соответствует женским потребностям. И вдруг какой-то шарик.

Шарик расхохотался ее непонятливости. Она или, в самом деле, дура, или только прикидывается? Но она ему нравилась. И он шутливо сказал:

– Тебе было приятно, только что со мной?

Ирина как будто удивилась. Насмехается он, что ли над ней?

– Ты еще спрашиваешь?

– Так вот это, моя милая, сделано для того, чтобы таким красавицам, как ты, было со мной еще приятней. Собственно, за него мне и дали кличку, Шарик, – похвалился он.

Ирина едва сдержалась, чтобы не рассмеяться. Кличка была заслуженная, ничего не скажешь. Могли бы придумать кличку поуважительней. Шарик, звучит как-то унизительно. Но она не станет возражать и против такой. Главное, чтобы она оправдывала себя. Пока с этим, вроде, все в порядке.

– А я думала, из-за фамилии, – сказала она. Шарик помотал головой.

– Не. Это из-за него, – показал он ей своего красавца, после чего стал натягивать брюки. Ирина тоже стала одеваться.

* * *

– Они тебя там били? Мой хороший, – заворковала она, стоило Шарику выйти из кабинета Туманова. Ухватила под руку.

– Отвали, – огрызнулся Шарик. – Из-за тебя вляпался. Менты кололи, не я ли «замочил» Романовского. Видишь ли, соседка видела, как я вечером заходил к нему.

Зотова скроила непонимающую физиономию.

– Ну и что в этом такого? Ты же не убивал его?

– Да на хрен он мне, говнюк, сдался. Срок за него мотать. А все из-за твоего долга. «БМВ» ей захотелось. Цаца, мать твою.

– Сереженька, ну не ругайся. Сейчас мы приедем домой... – начала Зотова, идя и держа его под руку. Шарик глянул на нее сердито.

– А дальше что? Ляжем в постельку и займемся любовью?

– Но, Сереженька, ты же сам любишь этим заниматься, – оправдывалась, как могла Зотова, едва поспевая за ним.

– Отвали, я сказал, – рывкнул на нее Шарик. – Менты хотят меня упрятать за хранение и ношение оружия...

– Какого оружия, Сереженька? У тебя что, разве было оружие?

Шарик вздохнул.

– Да был ствол. Я когда к казино подъехал, оставил его в твоём «БМВ».

– Что? Ты оставил в моей машине пистолет? – Ирина остановилась и дернула его за рукав, чтобы он остановился тоже. – Ну ты и сволочь! Ты хотя бы понимаешь, что не должен был так поступать?

Шарик виновато опустил голову. Потом подошел, попытался взять ее за руку.

– Подожди. Ну, чего ты так раскипятилась. Я ментам сказал, что тот «Глок» мой. И ты здесь не при чем. Да они и сами понимают. Этот майор Туманов нормальный мужик. С понятием. Мы нормально поговорили. Он даже отпустил меня на твой день рождения.

Ирина выхватила из пачки сигарету, закурила, но справиться с нервишками не могла, и руки подрагивали. Доверила ему машину, а он возил в ней пистолет. В ее машине. Тот-то она никак не могла понять, почему лейтенант Ваняшин задавал вопрос про пистолет.

– Идиот. Кретин. Оставил пистолет в моей машине.

Шарик вздохнул и протянул руку за сигаретой.

– Дай и мне.

Зотова швырнула ему пачку в лицо.

– Да пошел ты, урод! – взвизгнула Ирина. А Шарик, вдруг переменившись в лице, без размаха хлестанул ее ладонью по щеке.

– Если ты, еще хотя бы раз позволишь себе такое, я размажу твои мозги по асфальту. Поняла? – угрожающе спросил он.

Ирина покосилась на сержанта дежурившего возле дверей. Тот стоял и с интересом наблюдал за ней и за Шариком. Причем, делал это внаглянку. Сейчас только этого как раз и не хватало. Свидетеля их размолвки, Причем, не простого, а в погонах. И Зотова улыбнулась Шарику так, словно ничего между ними не произошло.

– Ладно, Сереженька. Садись в машину и поедем отсюда. А то вон тот мальчик в погонах так смотрит на нас. Поехали, я тебя прошу. Дома поговорим, – проворковала она, про себя ругая его как только можно.

– Плевал я на мальчика. У тебя только одни мальчики на уме.

– Поедем. Мы, что-нибудь придумаем. Найдем хорошего адвоката, – утешающе проговорила Ирина, и Шарик призадумался.

– А и то верно. Менты ведь изъяли пистолет из машины, а не из моего кармана. А в машину они его могли подложить. В казино наркотики. Пистолет в машину...

Усаживаясь за руль, Ирина покачала головой.

– И как все-таки глупо с твоей стороны оставлять оружие в моей машине. Ох, Сережа, Сережа. Что эти милиционеры подумают обо мне.

Шарик захохотал.

– Что ты, шлюха. Чего они еще могут подумать?

Зотова обиженно поджала губы. Она не заметила, как стоило им с Шариком отъехать, и возле сержанта, появился черноглазый усач, впивающийся взглядом в удаляющийся «БМВ». Все это время он стоял в стороне и наблюдал за Зотовой и Шариком.

– Чего они тут? – спросил Грек у дежурившего на входе сержанта. Но, как оказалось, тот так же, как и Грек, все видел, но мало чего расслышал. И теперь только пожал плечами.

– Да я особо не прислушивался, – признался сержант. – Чего-то поскандалили. Она, в него сигаретами. Он, ей по роже. Смех, да и только, – и сержант засмеялся. А капитану Грекову было совсем не смешно.

– Ну, а поскандалили-то они из-за чего? – раздраженно спросил Грек.

Сержант сдвинул фуражку на затылок. Лихой парень. Всего год как дембельнулся из погранвойск, и уже прижился тут. Рад радешенек работе. Сутки отторчит возле дверей, зато трое, дома.

– Чего-то про пистолет болтали, – сказал сержант.

– Конкретней? – потребовал Грек. Но конкретней сержант затруднился ответить. Только и делов ему за всеми подслушивать.

– А что мне больше делать нечего, как слушать, кто, о чем говорит? – обиделся он за нападки Грека. И Грек больше не стал тратить с ним время. Только похвалил шутливо:

– Молодец. Далеко пойдешь.

Но, кажется, до сержанта его шутка так и не дошла.

* * *

Стоило им войти в квартиру, как Шарик озабоченно спросил:

– Так, чего ты там базарила про адвоката?

Ирина поморщилась. Тошнило от его блатного жаргона. Сколько раз делала ему замечания, хотела, чтобы он был культурным человеком. И все, как об стенку горох. На этот раз вытерпела, воздержалась от замечаний, и даже проявив крайнюю любезность, сказала:

– Я говорила, что твое положение не такое уж безвыходное. Стоит нанять опытного адвоката. А у меня есть один такой на примете. И дело даже не дойдет до суда. Будь спокоен. Понимаешь меня?

Шарик кивнул, снял пиджак и бросил его на кресло.

– погоди, не продолжай. дай, посру схожу. На живот надавило от твоих слов, – сказал он и побежал в туалет.

Ирина улыбнулась и подошла к телефону. Набрала номер. Когда на том конце ответили, сказала с улыбкой.

– Мне нужна твоя помощь. У моего парня неприятности. Кажется, он влип по крупному. Я его pošлю к тебе. Ты знаешь, что надо сделать.

Когда Шарик вышел из туалета, Зотова скривилась от улыбки, глядя с какой поспешностью, он закидывает рубашку за пояс брюк.

– Ну, как? С чем поздравить можно? – пошутила она.

Шарик разочарованно махнул рукой.

– Эти менты, суки, до поноса довели.

Улыбка с лица Ирины пропала так же внезапно, как и появилась. И она уже сказала, тоном, не допускающим и капли иронии:

– Это излечимо, дорогой, – помолчала, потом назвала адрес. – Сейчас ты возьмешь такси и поедешь туда. Понимаешь меня?

Шарик взглянул на часы и заупрямился.

– Поздно уже. Может лучше завтра. Я жрать хочу. Да и чего беспокоить людей, на ночь, глядя, – он не договорил, натолкнувшись на ее решительный взгляд. Иногда диву давался, как из послушной и безропотной, его подруга тут же превращалась в волевою, решительную женщину. И Шарикун приходилось сознавать, что в такие моменты она брала над ним верх. Вот как сейчас.

Ирина пристально посмотрела в его глаза. Лентяи никогда не нравились ей. И Шарик, скорее всего, существо безнадежное. Нет в нем целеустремленности. Живет, как по течению. Куда прибьет, там и есть его временное пристанище. Какая баба обогреет, с той и останется. Такие, ничего не способны добиться в жизни, кроме как тюрьмы. Видно и этого тянет туда.

– Нет. Ты поедешь сегодня. И сейчас. Я уже позвонила насчет тебя.

– Ладно. Поеду, – уступил Шарик и спросил: – Может мне хотя бы твою машину взять? Ну, чтоб побыстрей. Туда, обратно.

Но Зотова упрямо замотала головой.

– Нет. Возьмешь такси. Больше я не хочу тебе доверять машину. Ты уже вляпался. Достаточно. Вот, возьми деньги, – положила она на стол десять тысяч рублей. – Тут тебе на дорогу и за консультацию. Езжай.

* * *

Шарик вышел из подъезда и поежился. Еще час назад, ничего не предвещало дождя. И небо было не такое мутное. А теперь все сплошь затянуто в черную пелену, нависшую над городом. И уже накрапывает мелкий противный дождь.

Шарик такую погоду ненавидел. Возненавидел с тех пор, когда довелось три года отторчать в одном из лагерей Сибири-матушки. Ох, и нахлебался он тогда. С утра до вечера вот такая слякоть, и телогрейка вся насквозь мокрая. Не просыхает. Только администрации

лагеря на это плевать, им нужен план, кубометры спиленного леса. Многие тогда загнулись. А он выжил, потому что был молодой. Но погоду такую с тех пор возненавидел.

Плюнув под ноги, недобрым словом вспомнил Ирину. Ведь говорил ей подождать до завтра. Слишком уж деловая баба. Теперь эта деловая сидит в тепле, а он должен мокнуть под дождем. Такси вызвал по телефону из дома, только где эта машина, будь она неладна. И Шарик уже подумал о том, чтобы вернуться в уютную квартиру любовницы. Но тут же увидел подъезжавшую в фонтане брызг машину. И вздохнул. Видно ничего не поделаешь, и придется ехать.

Водитель извинился за задержку, сказав, что на соседнем перекрестке случилась авария, и гаишники перекрыли дорогу. Шарик этот факт пропустил мимо ушей. Своих забот выше крыши. Он уселся на заднее сиденье «Волги» и когда машина тронулась, интуитивно оглянулся. Хотел посмотреть на окна Ириной квартиры, но против своей воли глянул на стоявшую возле угла в темноте машину. Еще когда только вышел, обратил на нее внимания. Теперь, стоило Шарiku сесть в такси, как та машина понеслась следом за ними. То ли «шестерка», то ли «трешка», по темноте не разберешь. Но в одном Шарик не мог ошибиться, машина та ехала за ними.

Шарик озабоченно хмыкнул и попросил водителя поднажать. Глянул на спидометр. Стрелка подползла к девяносто. Оглянулся опять.

Та бежевая каракатица не отставая, ползла за ними. И на душе у Шарика сделалось невесело. Прорыху нету от ментов. Наверняка, «хвоста» к нему прицепили. Ах, майор, майор. С виду казался таким мужиком, с понятием. Но, оказывается, сущность у него, ментовская. Не доверяет он Шарiku. Решил проверить, проследить за ним.

Шарик достал из кармана две купюры по тысяче рублей, положил на переднее сиденье рядом с водителем.

– За нами вон та машина прет, – мотнул он головой назад. – Оторвись от нее, и эти две штуки твои.

– Понял, – коротко ответил водитель и поднажал на педаль газа.

Машина стала набирать скорость, и Шарик почувствовал, как его стало вдавливать в спинку сиденья. Обернулся опять.

Преследовавшая их машина уступала в скорости, и Шарик радостно подумал, сжав в руке кукиш: «Вот вам, суки ментовские, а не Шарика». Потом он еще несколько раз оборачивался, довольный тем, как они сделали ментов. Даже на душе стало легко. И авторитет улыбнулся, представляя, какая завтра будет рожа у майора Туманова, когда ему доложат, что Шарик ушел от слежки. Расстроится майор.

Возможно, менты запомнили номер такси. Потом начнут допытываться у водителя, где он высадил своего пассажира. Но Шарик не настолько глуп, чтобы подъезжать к дому адвоката. Поэтому он попросил водителя остановиться не доезжая. Тут недалеко. Всего-то остается пройти три, четыре дома. Можно и ножками протопать.

Водитель сбавил скорость и прижался к тротуару.

– Может вас подождать? – услужливо спросил он, пряча деньги в карман. Но Шарик только махнул рукой.

– Езжай, – сказал он и пошел по тротуару, ежась под дождем. Холодные капли попадали ему за воротник. И он подумал о том, что нет ничего хуже, как вот так топтать под дождем.

Нарастающий рев машины, заставил Шарика обернуться. Ему показалось, что лихач водитель гонит свое авто не по проезжей части, а прямо по тротуару. Причем, с явным намерением сбить одиноко шагавшего человека. Шарик обернулся, и от удивления, которое тут же сменилось растерянностью, сигарета выпала у него изо рта.

Это была та машина. Теперь Шарик хорошо рассмотрел ее. Бежевая «шестерка». Она все-таки догнала его. И не где-то, а на пустынной улице. Где нет ни единой души. Только он. А еще этот лихач водила.

Шарик не рассмотрел его лица. Увидел, как машина резко притормозила и юзом поползла по мокрому асфальту возле самой кромки тротуара. А из окна правой двери уже высунулась рука, в которой тускло, поблескивал пистолет. Сидящий за рулем, целился в него.

Теперь уже Шарик нисколько не сомневался, что это не менты. Его должны убрать. И любовница поспособствовала убийцам. Вот почему она настояла на том, чтобы он ехал к адвокату так поздно вечером. Все продумано. Нельзя, чтобы его труп нашли возле ее дома. Пусть это произойдет где-нибудь подальше. Тогда его любовница будет вне всяких подозрений. Теперь Шарик пожалел, что об этом не догадался сразу. Доверился бабе. И вот пострадал.

Он достал из кармана трубку сотового. Его пальцы судорожно забегали по кнопкам цифр.

Одна, другая, третья...

Машина так и не остановилась. Она проехала совсем рядом, и Шарик услышал звук похожий на хлопок. Как будто кто-то несильно хлопнул в ладоши. И тут же почувствовал резкий удар в голову, заставивший его опрокинуться на спину. Прямо в огромную лужу. Но прежде чем умереть, он успел подумать о том, что как же все-таки не любит этот дождь. Холодный и морозящий, заливающий ему лицо.

Глава 5

После работы Даша не спешила возвращаться домой. Настроение было паршивое. Пока находилась в отпуске, на фирме случились крупные неприятности. Руководители фирмы оказались нечистыми на руку, а расплачиваться за их нечистоплотность приходится простым менеджерам, таким как Даша. В целях экономии средств, директор уже уволил пятерых менеджеров, перекинув объем работы на оставшихся. В их числе пока была и Даша. Пока. Потому что неизвестно, что будет завтра. Возможно, ее тоже уволят. И тогда один бог знает, как они будут жить с Федором. Во всяком случае, его зарплаты хватает только на скудное существование. И ни о каком новом платье, которое она собиралась купить, не стоит и мечтать.

Еще вчера, она сказала Федору, что ей стыдно в обносках выходить на люди. Да и на работе клиенты обращают внимание на то, как одет менеджер, с которым они ведут деловые переговоры. Хотелось бы, что-нибудь прикупить новенькое, и если Федор не возражает, она присмотрела платье. Федор не возражал. Но когда узнал, что стоит оно едва ли не всю его зарплату, сразу скис. По его понятиям, жена нормального мента, который не берет взятку, не может себе позволить такую роскошь. Только Даша с этим не согласна. Как будто она должна всю жизнь ходить в недоносках.

С деньгами еще как-то можно выкрутиться. На худой конец можно и подзанять. А вот с работой, хуже. Если директор вздумает еще проводить сокращение, то сократят не кого-то, а ее. Потому что Даша единственная незамужняя и бездетная.

Она вздохнула и остановилась перед огромной витриной супермаркета. То приглянувшееся ей платье, продавалось здесь. Но Даша решила не входить, чтобы не омрачать и без того мрачное настроение. Денег-то у нее все равно пока нет. А глазеть бестолку, это не в ее стиле. Это только расстраивать себя, особенно, когда замечаешь, что другие могут себе такое позволить, а ты нет. Даша пока не могла.

В витринном стекле, как в зеркале, отражалась часть улицы. И Даша увидела, как проезжавшая мимо новенькая темно-вишневого цвета «Вольво», вдруг вильнула вправо и остановилась, и из нее вышел Глеб.

Даже как-то нехорошо стало на душе. Вот уж действительно кого не ожидала встретить. Знала бы, ни за что этой улицей не пошла бы. Зато он, кажется, напротив, увидев ее, обрадовался. Заулыбался.

– Дашенька, здравствуй, – радостно прошепел он.

Даша постаралась улыбнуться. В подобной ситуации ничего другого не оставалось. Повернуться и уйти, это будет невежливо. Все-таки, он не сделал ей ничего плохого. Более того, пытался вытащить из этого болота. Уж с ним бы она точно не терзалась по поводу безденежья.

– Здравствуй, – сдержанно ответила Даша, разглядывая Глеба. С тех пор, как они не виделись, он здорово изменился. Правда, чисто внешне. Теперь он выглядел солидней. Но в душе, так и остался зазнайкой. И Даша это поняла сразу. Поймав на себе ее взгляд, он сразу заважничал. И еще у него осталась все та же жажда к обогащению. Уж кто, кто, а Глеб видно не испытывает недостатка в деньгах. Один костюмчик, что на нем одет, стоит не менее пяти штук долларов.

– Ну, как ты? – спросил он, заглядывая ей в глаза. Спрятав за улыбкой грусть, Даша сказала:

– Нормально.

А что еще можно ответить? Расплакаться в ворот его шикарного пиджака? Только, что от этого изменится? Такое Даша не могла себе позволить.

– У меня все нормально, – сказала она, стараясь его убедить, что так оно и есть. Но Глеб отрицательно покачал головой.

– Зачем ты меня обманываешь? Я разговаривал с твоей матерью...

У Даши чуть глаза не вылезли на лоб.

– Что? Ты заезжал к родителям?

– Даша, подожди. Я тебе все объясню. Я приехал в Москву... Думал, вдруг ты живешь у родителей. Потом хотел позвонить тебе...

Даша смотрела на него, как на чудовище. Только этого не хватало.

– А зачем тебе мне звонить? Ты не находишь свое желание не слишком удачным? – укорила его Даша. Представила, какой скандал может быть, если этот идиот позвонит и нарвется на Федора. Он постарался забыть прошлое. Не требовал никаких объяснений. И вдруг опять этот Глеб. Зная, какой Федор ревнивый, Даша несколько не сомневалась, что скандал будет грандиозный. И может быть последний.

– Даша, я по тебе скучал, – осторожно, чтобы не рассердить ее окончательно, сказал Глеб и как мальчишка, стыдливо опустил глаза. – Все-таки, мы с тобой...

Даша не дала ему договорить.

– А что мы с тобой? Ничего у нас тобой не было. И ты запомни это.

– Не было? – кажется, он не верил, что она смогла все так легко забыть, поэтому и переспросил. – Но ведь я тебе нравился. Мы с тобой занимались любовью... – постарался он напомнить. И этим своим напоминанием заслужил у Даши презрительную ухмылку. Она сказала:

– Послушай, Глеб. Если тебе не изменяет память, это было у нас один единственный раз. И вообще, я советую тебе забыть обо мне. У меня есть Федор. Я люблю его. Понимаешь? Люблю. Он любит меня.

– А я? Я ведь тоже люблю тебя, Дашенька. Я думал о тебе. Скучал...

Это его признание развеселило Дашу. Она улыбнулась, хотя и посчитала это не скромным по отношению к несчастному Глебу.

– Понимаешь, Глеб. Как бы это тебе объяснить, чтобы ты понял. Нам хорошо с Федором. И, пожалуйста, не звони мне. Давай просто забудем, что было промеж нас. Только и всего. Просто забудем, – предложила Даша и повернулась уйти, но Глеб взял ее за руку, придержал.

– погоди. У тебя дома видак есть?

Даша удивилась. Что еще за новости? Почему он спросил про видак?

– Есть. А что?

На прыщавом лице Глеба появилась неприятная улыбка. Взгляд сделался холодным. Даше даже стало немного не по себе. Чего он задумал и почему спросил про видак? А он достал из кармана видеокассету. Повертел ее в руках, словно жалел, что растает с ней.

– На. Посмотришь на досуге. Только смотри, чтобы твой Федор не увидел. Твоя мамочка сказала, что он у тебя чертовски ревнивый.

Сначала Даша хотела отослать этого кретина куда подальше, но решила, что с этим еще успеется. А потом любопытство. Что может быть на кассете такого, что нельзя смотреть Федору. И Даша не удержалась от вопроса:

– И что, это за кассета? Может скажешь, раз так предупреждаешь.

Ей показалось, что Глеб сейчас расхохочется. Но он отказал себе в таком удовольствии, лишь скромно усмехнулся и сказал:

– Да так. В общем-то, любительская съемка. Ты посмотри.

Даша взяла кассету и, спрятав ее в свою сумочку, пошла. Но Глеб окликнул ее:

– Даша?!

Она обернулась, глянула на него презрительно, ничего не говоря.

– Я как-нибудь позвоню тебе. Хотелось бы узнать твои впечатления после просмотра. А хочешь, позвони ты мне. Номер мой помнишь?

Она не ответила. Быстро пошла по тротуару, а Глеб, оглядев себя в зеркальное витринное стекло, поправил галстук и пошел к своей машине.

На переднем сиденье «Вольво» сидел человек лет шестидесяти. Все время, пока Глеб разговаривал с Дашей, он наблюдал за ними через боковое тонированное стекло. Когда Глеб вернулся в машину и сел за руль, он спросил:

– Скажи, тебе, что других девок мало?

Глеб промолчал, и это, кажется, вызвало у его пассажира раздражение. Не дождавшись ответа, он сказал довольно резко:

– Ищешь на свою жопу приключений?

Глеб поморщился. Ему не понравился жаргон, но еще больше не понравился тон, в котором была произнесена эта фраза. Все вместе не укладывалось в рамки приличия, и Глеб сказал:

– Почему ты так говоришь?

Казалось еще немного и его умудренный жизненным опытом пассажир закричит на Глеба. Его глаза бешено вращались. А взгляд сделался прожигающим. Но ничего подобного не произошло.

– Да потому. Ты же сам говорил, что эта шмара живет с ментом?

Глеб помолчал, а потом заговорил не менее раздраженно:

– Я люблю ее. И все. И не советовал бы никому лезть ко мне со своими советами.

Прозвучало довольно грубо, но пассажир ехавший в машине с Глебом, кажется, не обиделся, на такое резкое замечание. Или, по крайней мере, сделал вид, что не обиделся. Он с минуту сидел молча, но потом посчитал своим долгом высказаться:

– Ты напрасно обижаешься. Любовь такая штука... Она спалила многих хороших людей. Не мешало бы тебе об этом знать.

– Я знаю, – несколько с обидой парировал Глеб. Не обращая внимания на это признание, пассажир продолжил:

– Просто, если ты разозлишь ее мента, он может тебе наступить ногой на яйца. А это уже серьезно. Уж ты мне верь. И тогда мы будем должны сделать выводы, а они могут быть самыми неадекватными. И в первую очередь, по отношению к тебе.

На лице Глеба появилась кривая улыбка. Беседуя, он даже ни разу не взглянул на пассажира, как бы этим подчеркивая свое достоинство. Теперь же, слова собеседника воспринял, как откровенную угрозу.

– Ты решил меня попугать? – с улыбкой спросил Глеб.

Его пожилой собеседник только пожал плечами, что означало, понимай, как хочешь. Глеб понял и сказал:

– Напрасно. Это я могу сделать так, что вам всем станет нехорошо. Так что ты, Эдик, свое мнение лучше попридержи, – назвал он своего немолодого собеседника несколько униженно. И тот стойко выдержал такое обращение, хотя привык, когда его называли по имени отчеству. Глеба он относил к молодым выскочкам, которые считают, что им принадлежит, если не весь мир, то лучшая его часть. А таким, как Эдуард Юрьевич, все остальное. И взгляд, который послал Глеб на своего пассажира, был наполнен цинизмом, как бы лишний раз, подтверждая, что хозяин положения все-таки он, а не этот старикашка.

Эдуард Юрьевич Барков сидел с непроницаемым лицом, пожевывая фильтр давно потухшей сигареты. Он о чем-то задумался. И даже не сразу сообразил, что ему надо выходить, когда машина остановилась возле шестиэтажного дома на Варшавке, где Эдуард Юрьевич совсем недавно приобрел приличную пяти-комнатную квартиру. Видя, что Барков медлит, Глеб напомнил:

– Мы приехали.

Прозвучало так, как если бы молодой хозяин «Вольво», сказал: «Пошел вон». Седоволосый пассажир по-стариковски вздохнул.

– Да. Приехали, – сказал он как бы с неохотой и, не прощаясь, вылез.

Глядя, как он медленно удаляется к подъезду, Глеб усмехнулся и поспешил уехать. Слишком утомил его этот старикашка Барков.

* * *

Едва войдя в квартиру, Даша скинула туфли и сразу же прошла в комнату, где стоял видеомagneтофон. Федора дома не было, поэтому пришлось избежать ненужных вопросов по поводу такой поспешности. Да и Глеб предупреждал же, чтоб она смотрела одна, без Федора.

Она включила телевизор с видиком, сунула кассету. И то, что она увидела, заставило ее оглянуться на дверь. Вот так, невзначай, не вошел бы Федор. А Глеб оказался просто гадом. Установил в спальне маленькую видеокамеру и заснял, как они занимались с ним сексом. Было это один единственный раз, когда Даша ушла от Федора и собиралась уехать с Глебом в загранку. Поступок был с ее стороны не слишком обдуманым, и Даша потом не раз признавала это и раскаивалась. И вдобавок ко всему, теперь он может разрушить всю ее жизнь с Федором. Вот они последствия того поступка.

Она с ненавистью смотрела на экран. Зрелище получилось ужасное. Хотя у любителей крутой порнухи, это бы вызвало небывалый восторг и бурю эмоций. Красивое женское тело в столь грациозных позах.

Даша не стала досматривать. Она прекрасно помнила ту любовную сцену. Женская слабость, обернулась для нее трагедией. Прав этот ублюдок Глеб, нельзя Федору смотреть это. Но как быть? Уверена была, эта кассета у Глеба не единственная. Записывал на маленькую видеокамеру, втайне от Даши, а потом переписал на большую кассету. Но разве этот негодяй откажет себе в удовольствии и не оставит кассету. Еще чего доброго, возьмет и покажет это все в кругу приятелей, под рюмочку. Даша там уж слишком раскованно вела себя. Боже, какой стыд. Никогда не сомневалась, что мужчины коварные существа, которым нельзя доверяться ни в чем. Теперь лишний раз убедилась в этом. Да слишком поздно. Но как Глеб мог так поступить? Об этом она еще спросит у него. Клялся в любви. И вдруг такая жестокость.

Она вынула кассету из видика, не зная, куда ее деть. Самое лучшее, это сжечь пленку, сейчас, не медля, но только не в квартире. Останется запах гари. Федор будет допытываться. Это надо сделать на улице. Даша сунула кассету в свою сумочку, но прежде чем выйти, позвонила Глебу на сотовый. Он как будто ждал ее звонка. Наверное, знал, что, просмотрев пленку, она не утерпит и позвонит ему сама. И не ошибся.

– Глеб, ты сволочь! – выпалила она в трубку. Он ничуть не обиделся. Даже более того, хотя Даша и не видела его лица, но ей казалось, что, разговаривая с ней, Глеб скалится в улыбке. Он привык всегда добиваться своего. Похоже, и в отношениях с ней у него появляются существенные сдвиги. Знает, подонок, деваться Даше некуда. Федору она жаловаться не станет. И он наслаждается ее беспомощностью.

– Милая, ты плохо думаешь о людях. В частности обо мне. Я люблю тебя и хочу, чтобы ты была со мной. Как поступить, выбор за тобой. Только уверен, стоит твоему менту посмотреть содержание той кассеты...

– Молчи, Глеб, – с ужасом воскликнула Даша. Не стоило продолжать то, в чем Даша и сама была уверена. Чуть не расплакалась от горя. Ну, почему, жизнь такая подлая штука? А Глеб как бы в насмешку спросил:

– Ну, так чего ты решила?

Даша горько вздохнула. Видно, уж ничего не поделаешь. Шантаж всегда в ходу у него-дядев. И ей придется согласиться на его условия.

– Ладно. Я приеду к тебе. Только, чтобы Федор ничего не узнал... Понял, о чем я?

– Он ни о чем не узнает, – пообещал Глеб. Хотя цену его обещаниям определить нетрудно. Такому ублюдку не долго отказаться от всего.

Даша положила трубку и пошла в прихожую. Как бы там ни было, а от этой проклятой кассеты стоит избавиться и побыстрей, чтобы на нее случайно не наткнулся Федор. Она быстро надела туфли, но выскочить на площадку не успела. Услышала, как с той стороны двери, сначала в замочную скважину влез ключ, а потом послышались щелчки замка.

Даша почувствовала, как лихорадочно у нее бьется сердце. Это Федор. У него нет привычки, лазать по ее сумочкам, но все же. Она запихала кассету на самое дно сумочки, прикрыла ее сверху носовым платком и косметичкой.

Дверь открылась.

– Дашка, ты куда собралась? – Федор наклонился и поцеловал Дашу. А Даша украдкой вздохнула. Не думала, что он придет раньше. Хорошо еще, что он не появился, когда она просматривала кассету.

– Собралась? Да я только что пришла, – соврала она. – Видишь, еще туфли даже не сняла. А ты что-то сегодня рановато.

Федор улыбнулся.

– По тебе соскучился. Вот и смотался пораньше, – сказал он и, заметив в ее глазах грусть, спросил озабоченно: – Случилось, что ль чего?

Из всех сил Даша старалась не показать, как она взволнована. Только бы Федор не догадался ни о чем. Поспешила ответить:

– Да нет, ничего не случилось. Почему ты спросил?

– Показалось, глаза у тебя грустные.

Чтобы убедить его в обратном, Даша заставила себя улыбнуться. Причем, улыбка отразилась у нее и в глазах, и они из грустных, стали веселыми. Только так можно убедить подозрительного майора.

– Ну и хорошо. Мне так нравится, когда ты улыбаешься, – сказал он и поцеловал Дашу. И Даше ничего другого не оставалось, как ответить взаимной лаской. Она почувствовала, как его пальцы старательно залезли под кофточку, нащупали там застешку лифчика и без труда расстегнули ее. Потом переместились к поясу, расстегнули пуговичку и молнию на юбке.

– Федор, ты сумасшедший. Ты хочешь со мной заняться сексом прямо в прихожей? – спросила Даша, когда он уже снял с нее юбку и приспустил трусики.

– А почему бы и нет. Я так за день наскучался без тебя, что боюсь, не дотерплю до комнаты. Да и что тебе тут мешает? Разве тут мало места? – он окинул взглядом просторную прихожую.

– Надеюсь, мы хотя бы заниматься этим будем не на коврике у двери?

Федор улыбнулся, поворачивая Дашу задом к себе.

– Вообще-то, я думаю, как-нибудь нам стоит попробовать на этом коврике. А пока предлагаю тебе более упрощенный вариант. Наклонись, пожалуйста, – попросил он, расстегивая брюки.

– Федор, ты самец, – это отнюдь не было укором. Скорее, похвалой. Даше всегда нравилась его решительность, чего нельзя было сказать про Глеба. Тот хочет женщину. Но в то же время хочет, чтобы инициатива как бы исходила не от него, а от женщины. Даше, это не нравилось. А Федор, ничего не ждет. Тот инициативой владеет сам. Вот как сейчас. Наклонив Дашу, он взялся за ее бедра и...

Даша почувствовала себя на седьмом небе. Как же все-таки хорошо, что сзади нее не Глеб, а Федор. Даша тихонько застонала, и, поддаваясь его толчкам, задвигала упругой попкой.

Глава 6

Федор стоял возле труп Шарика и внимательно наблюдал за работой криминалистов. Его труп обнаружили рано утром. Водитель поливочной машины обратил внимания на человека лежащего на обочине тротуара. Сначала решил, что валяется пьяный. Спит. Но стоило заглянуть Шарику в лицо, чтобы понять, этот спящий уже никогда не проснется. Водитель и вызвал милицию. Его опросили и отпустили. Собственно, его показания ничего не значили. Возможно, кто-то из жителей ближайших домов мог видеть, как все происходило. Только Федор особенно не рассчитывал на удачу.

Закончив с протоколом осмотра места происшествия, дежурный следователь прокуратуры уехал, не забыв напомнить, чтобы оперативники известили его о возможных фигурантах по этому делу. Федор пообещал. Хотя какие тут фигуранты, когда как установили криминалисты, убийство произошло почти шесть часов назад. Это, примерно около двенадцати ночи. Еще положение усугублялось тем, что как раз в это время хлестал дождь. И в такую погоду, как говорится, хороший хозяин собаку не выгоняет. Надеяться на случайных свидетелей даже и не стоило. Кому охота связываться с милицией. Потом тебя же и затаскают. Грек злился и не удержался, чтобы не кольнуть майора.

– Вот чем обошелся твой жест доброй воли, – сказал он Федору, кивнув на мертвого авторитета. По мнению Грека, раскрыть это преступление им не удастся. Случай безнадежный. – А заперли бы его в камеру, и был бы жив. – Свое недовольство Грек выражал достаточно громко. И майору Туманову, это не понравилось.

– Ты еще иди начальству расскажи, – огрызнулся Федор, вместе с Ваняшиным осматривая содержимое карманов убитого. Версия о грабеже сразу отпала. Во внутреннем кармане пиджака лежал паспорт и восемь тысяч рублей. Да и на пальце левой руки осталась нетронутая золотая печать. Получалось, что убийство заказное. Кое-что на этот счет могла разъяснить Ирина Зотова. Поэтому оперативники решили не тянуть, а поехать к ней. Заодно не мешало посмотреть, как она отреагирует на известие о смерти своего возлюбленного.

Грек долго давил пальцем на кнопку звонка. На площадке они стояли с Тумановым вдвоем. Ваняшин остался в машине, избежав нудного простаивания под дверями. Зотова, словно заранее узнав о приходе оперов, теперь не спешила им открывать. Но Грек проявил упорство.

Сначала опера услышали хрипчатый лай собачонки. Потом шаги. Потом щелчки отпираемых замков. На двери их оказалось три.

На Туманова с Греком хозяйка квартиры уставилась удивленно. Видно не ожидала визита ментов. На этот счет голову ломать не пришлось. Скорее всего, она думала, что это Шарик. И потому на лице, удивление и недоумение. Она, как бы спрашивала, зачем вы здесь? И у обоих сразу появилась мысль, что, вероятно, Зотова еще не знает, о том, что ее любовник больше не придет и не утешит ее. Хотя, может, и утешать-то ее как раз и не стоит. Федор решил проверить. Потому что считал, что пока у них не достаточно оснований подозревать ее. Грек был иного мнения.

Белая пушистая болонка чуть не схватила Грека за ногу, стоило ему лишь переступить порог прихожей, и капитан, подпрыгнув, как резвый конек, завопил:

– Уберите вы эту заразу!

– Это не зараза. Это Чапа, – сердито сказала Зотова, поймав собачку, отправила ее в ванную. Но сделала это с большой неохотой. В гости милиционеров не приглашала. Сами пришли. А если этот усатый не понравился Чапе, значит, в нем есть, что-то такое. Лично Ирине, он тоже не понравился. Даже диво брало, как совпали их мнения.

– Для меня все собаки, заразы, – сказал Грек, входя в комнату, хотя Зотова вроде и не пригласила их с Тумановым войти. Только напрасно она рассчитывала на короткий разговор.

Заперев дверь ванны, откуда не замолкая, доносился хрипатый лай Чапы, женщина запахнулась в халат и, посмотрев на оперативников без всякой любезности, спросила:

– Слушаю вас?

Грек ехидно улыбнулся, рассматривая женщину. Теперь ее можно было рассмотреть, так сказать в естественном цвете, и этот цвет Греку не понравился. Лицо, заплывшее после сна. И на нем проступают морщины. И когда она отвернулась, Грек тихонько шепнул Туманову:

– Без макияжа она настоящая образина. Согласен?

Федор несильно толкнул капитана в бок, чтобы тот помолчал. Потом, когда Зотова предложила им пройти в комнату и сесть, сказал:

– Вы извините, что мы вот так с утра...

Зотова махнула рукой, чтобы майор не утруждал себя извинениями.

– Не стоит извиняться. Все равно почти всю ночь не спала.

Федор заметил в глазах женщины тревогу, которую она старалась не выказать оперативникам и потому не встречалась взглядом с ними. В комнате у нее был включен телевизор. По музыкальному каналу гоняли клипы и женщина, разговаривая с операми, как бы между делом, бросала взгляды на экран. Туманов понял, она не хочет, чтобы опера видели ее глаза. Подумал о том, что может и прав Грек и она в курсе того, что произошло с ее дорогим любовничком. Хотя почему дорогим? Судя по изобилию дорогих вещей в ее квартире, эта женщина просто так не отдаст то, что ей дорого. Значит, Шарик вовсе не был ей дорог. Чтобы убедиться в этом, следовало задать ей пару, тройку вопросов, которые Туманов специально приберег для этой мадам. А потом уже делать выводы, имеет ли какое-то отношение Зотова к смерти Шарова. Как ни печально сознавать, но тогда Грек действительно окажется прав. А пока... пока надо было на радость Греку, заставить Зотову хорошенько понервничать. И Федор задал ей, не самый главный, но довольно неприятный вопрос, который вызвал у женщины некоторое смятение.

– Скажите, Ирина Витальевна, вы любите Шарова? – спросил майор. Знал, на что давить. Женщина никогда не отдаст на растерзание любимого человека. Собой пожертвует, но не отдаст. А потом, в этом возрасте, одиночки навряд ли Зотовой зачастую обделены любовью. Теперь стоило проверить ее чувства. И Федор набрался терпения ждать. Торопить ее с ответом не имело смысла. Другое дело, откровенность. Она может соврать. Может не соврать. Но когда они дойдут до главного, тут и выяснится, насколько она была откровенна, отвечая.

Для начала Зотова метнула на Туманова неприятный взгляд, осуждая, что майор лезет в душу да еще при усатом капитане.

А усатый капитан сидел в кресле, положив ногу на ногу, выставив на всеобщее обозрение рваный мысок старого ботинка, который он промазал клеем. Причем, сделал это довольно неаккуратно, перемазав клеем ботинок с боку. Со стороны могло показаться, что капитан где-то наступил на соплю и, не оттерев ботинок, так и проперся по дорожному ковру в квартире Зотовой. Время от времени, она поглядывала на этот ботинок мента, вот, как сейчас. Но Греку было хоть бы что. Он развалился в удобном кресле и тарашился в телевизор на клипы и без стеснения покачивал этим ботинком перед заместительницей директора ювелирного магазина. Казалось, что все происходящее в этой комнате, усатого капитана не касается ни одним боком, и зашел он сюда только лишь для того, чтобы насладиться мельканием полуобнаженных девиц под заводную музыку. Хотя несколько минут назад, когда они поднимались по лестнице, усатый Грек изо всех сил пытался убедить Туманова в причастности Зотовой не только к смерти Романовского, но и Шарова.

Федор покосился на молчавшего усача и тихонечко вздохнул, вот дал бог помощничка. Потом встретился взглядом с Зотовой, давая понять, что готов ее выслушать. И глядя в ее глаза, он так и не понял, чего в них больше, тревоги или все-таки грусти. Понимая, что майор ждет от нее ответа, она невесело улыбнулась.

– Неужели я похожа на девчонку, которая переживает романтический возраст? – спросила она, и сама же ответила, отрицательно покачав головой: – Нет. В моем возрасте, даже мужчину уже подбираешь по расчету. А Сергей... он умеет приласкать женщину. Внешне грубый, он всегда ведет себя достаточно корректно с женщиной. – Она хмыкнула, как бы припоминая, что еще сказать про него, но тут же посчитала, что сказано достаточно и решила закончить свой ответ одной фразой: – А что еще надо такой, в общем-то, достаточно обеспеченной женщине, как я?

Федор пожал плечами. Наверное, ей и в самом деле больше ничего не требовалось. Деньги у нее есть. Есть приличная машина. Дорого обставленная квартира. Не хватало только мужика, который драл бы ее как кошку. И расчетливая мадам нашла такого. Шарова. Но теперь его нет. Знает она об этом, или не знает. Но она переживает, это видно по ее лицу. Только не понятно, за кого? За Шарова? А может, она переживает за себя. Может, боится, чтобы опера не узнали что-то такое, чего им и знать-то не следует. Но пока Федор решил уцепиться только за Шарика. Сделав удивленное лицо, пробежал взглядом по просторной комнате и сказал:

– Вообще-то, мы хотели поговорить не с вами, а с Шаровым... – Получалось так, словно майор с минуты на минуту ожидал появления сожителя Зотовой, а тот все задерживался. И Федор уставился на нее, требуя объяснений. Увидел, как женщина сразу изменилась в лице. Занервничала. Даже слегка прикусила нижнюю губу.

На столе лежала пачка сигарет. Она вытянула одну, закурила. Следом за ней и Грек, протянул руку и спросил, улыбаясь:

– Можно?

– Курите, – подвинула Зотова ему пачку.

Грек благодарно кивнул и все с той же коварной улыбочкой сказал:

– Я думал, такая женщина, как вы, курит только женские сигареты.

Выпустив струю дыма едва ли не в лицо любопытному капитану, Зотова сказала:

– Я люблю, как вы изволили заметить, – кивнула она на пачку, – покрепче.

– Чтобы пробирало? – дополнил Грек. Женщина согласно кивнула. Потом посмотрела на Туманова. Майор ждал от нее ответа. И Зотова сделав несколько глубоких затяжек, сказала:

– Сергея нет. – Взгляд ее заметался, сначала на экран телевизора, потом на заклеенный ботинок Грека, потом на большую хрустальную пепельницу, в которой она притушила недокурную сигарету. – Вчера вечером, он сказал, что ему необходимо с кем-то встретиться. И ушел...

Федор задумчиво кивнул. Пока все выглядело правдоподобно.

– А он не сказал, с кем именно собирается встретиться? – спросил он.

Зотова изо всех сил старалась, чтобы внутреннее напряжение не отражалось на лице. Да и какие основания у этого паршивого майора обвинять ее в чем-либо. Он пришел, узнать о Шарове. Она ответила. Пусть не совсем то, что хотелось бы знать от нее менту. Она повела плечами, как бы удивившись его вопросу, и сказала:

– Откуда же я могу знать. У Сергея много друзей. Он не сказал с кем.

– Угу. Много, – повторил Туманов и спросил: – А в котором часу он ушел из дома?

На лбу мадам Зотовой появилась морщинка. Женщина призадумалась.

– Было поздно, – медленно проговорила она тихим голосом, стараясь припомнить точнее. – Знаете, я на часы не смотрела. Наверное, было уже одиннадцать. Или около того.

– И вас не удивило, что он вот так, ни с того ни с сего, на ночь, глядя, куда-то уходит? – настойчиво спросил Федор.

Зотова нервно дернула подбородком.

– Ну, почему ни с того, ни с сего? Он же сказал, что нужно с кем-то срочно встретиться. С кем, я спрашивать не стала. Потому что не лезла в его дела никогда. И почему я должна удивляться?

Федор не ответил. В самом деле, почему ей удивляться? Это мог быть влиятельный вор или просто бандит. Шарик водил дружбу и с теми и с другими. Только вот не совсем ясно, за что его убили. Кому он насолил. И Туманов решил, что не стоит больше скрывать, где сейчас ее любовничек. Возможно, она и сама знает, что его больше нет. А если не знает, можно проверить, как она отреагирует на такое сообщение. Майор собрался с мыслями, но сказать ничего не успел, потому что сказала Зотова, объясняя свое волнение:

– Я всю ночь не спала. Он сказал, что часа через три вернется, но вот уже утро, а его все нет. Несколько раз я пыталась ему позвонить на сотовый. Но он не отвечает. Ума не приложу, где он и что с ним. Может быть, вы знаете?

Туманов утвердительно кивнул.

– Знаем. Он убит. Сейчас тело находится на экспертизе.

Теперь и Грек уставился на Зотову, отвернувшись от экрана. Вместе с Федором они увидели, как Зотова сначала глянула на них широко открытыми глазами, в которых вместе с недоверием был страх, а потом из этих глаз потекли слезы, делая и без того не слишком привлекательное после сна ее лицо, еще больше неприятным. Слез было немного. Можно сказать, она не плакала, а только так, всплакнула. Но все-таки. Кажется, она в самом деле переживала за его смерть. Или боялась, что и с ней могут поступить таким образом. Во всяком случае, Федор не мог не спросить:

– Вам ничего не показалось странным в его поведении перед тем, как он ушел?

Не глядя на Туманова, женщина покачала головой.

– Может, звонил ему кто-то? Или он кому-то?

В ответ, опять все то же отрицательное покачивание.

Грек с Тумановым переглянулись. Обоих не покидало подозрение, что Зотова что-то недоговаривает, хотя ее переживания по поводу смерти любовника выглядят вполне искренними. И так может статься, что к смерти Шарика она не имеет никакого отношения. А может и имеет. Двойное мнение. Ведь пистолет авторитета нашли в ее машине. На нем нет ее отпечатков. Только отпечатки Шарика. Но этим пистолетом Шарик подвел ее под подозрения. А после того, как его сцапали менты, кто-то побоялся, что Шарик откроет рот. Именно на это давил Грек. Одни домыслы и не утешающие факты. Сначала смерть директора ювелирного магазина Романовского. Потом, смерть любовника, его заместительницы. Масса домыслов. Только вот, к сожалению, пока не за что зацепиться.

– Насколько мы знаем, у Шарова была доверенность на вашу машину? – сказал Туманов. А женщина, промокнув платочком слезы с глаз, проговорила:

– Я поняла, что вы имеет в виду. Почему в этот раз он поехал не на моей машине? Нет, я не всегда давала ему машину, а только тогда, когда она была не нужна мне. А в этот раз не дала. Раз он оружие оставил в моей машине, я ему сказала, что больше не сядет за руль. Мне только и не хватало неприятностей из-за его выходок. Раз залетел, пусть сам выкручивается. А за руль моей машины больше не сядет. И он ушел. Вот и все, – она взглянула на часы и сказала озабоченно: – Извините, но мне надо собираться на работу. Если у вас все?..

Федор встал с кресла, хлопнул по плечу, сидевшего Грека. Тот, кажется, хотел бы еще посидеть. Но Федор поднял его, и сказал Зотовой:

– У нас все, – потом, глянув ей в глаза, добавил: – По крайней мере, пока все. Если возникнут вопросы, вам придется с нами встретиться.

– Ну, разумеется, – охотно согласилась женщина.

Когда проходили мимо двери в ванну, болонка захрипела от злости.

– У, зараза, – прошипел на нее тихонько Грек, а потом сказал Зотовой: – Могли бы себе завести приличную собаку. Овчарку. Или дога, например. Такие лучше для охраны.

– А зачем? Мне не кого бояться, – ответила Зотова, отпирая на своей двери хитроумные замки, чтобы побыстрее выпроводить оперов.

– Хитрющая бабеха, – сказал про нее Грек, когда они спускались с Федором по лестнице. – Я не верю ни одному ее слову.

Он посмотрел на Федора, апеллируя к его солидарности, но Туманов промолчал. И лишь когда они очутились на улице, Федор сказал:

– Последить за ней надо. – Он поднял голову и увидел Зотову. Женщина стояла у окна, провожая оперативников до служебной «Волги», за рулем которой сидел Ваняшин. Увидев, что Туманов смотрит на нее, она задернула штору.

– Хорошо, будем следить. Как распределим силы? – спросил Грек. В его личном пользовании машины не имелось. Ваняшину проще. Может взять у родителя «девятку».

– Следить будете по очереди с Ваняшиным. А пока едем в управление. Узнаем, что там по экспертизе на Шарова.

Когда машина с операми отъехала, Ирина отошла от окна и рассеянным взглядом обвела комнату. Кудрявая болонка Чапа, крутилась под ногами. Стоило женщине сесть в кресло, как собачонка запрыгнула к ней на колени, пытаясь лизнуть хозяйку в щеку.

Стоящий в нише телефон издал мелодичную трель. Звук не был пугающим, или раздражающим слух, скорее, наоборот, в его трели слышалось что-то приятно певучее. Но женщина вздрогнула, глянула на трубку глазами полными ужаса, не решаясь протянуть руку и снять ее.

Прошла минута, другая, а телефон все не умолкал. Теперь его трель показалась Ирине хныкающей. Но это ничуть не разжалобило решительную женщину, и трубку она так и не сняла. Она долго сидела в кресле и смотрела в одну точку. Даже собачонка успела задремать на ее коленях и потому испуганно вздрогнула, когда вдруг Ирина небрежно столкнула ее на кресло. Сбросив халат и ночную рубашку, она стала торопливо одеваться.

На работе она как всегда появилась элегантная, модно одетая. Проходя по коридору ювелирного магазина, столкнулась с грузчиком Севой Петраковым. Парню было чуть больше двадцати семи лет, и на яркую заместительницу директора он всегда глядел голодными глазами молодого ловеласа. Он выходил со стороны кабинета, который раньше занимал Романовский, а теперь она. Наверное, думал, что она уже у себя. Увидев Зотову, он улыбнулся.

– Здравствуйте, Ирина Витальевна.

– Здравствуй, Сева. Ты меня искал? – спросила Ирина, воздержавшись от прямого вопроса по поводу того, что грузчик делал в полутемном коридоре возле ее кабинета, где находится ему, в общем-то, было необязательно.

Рослый Петраков чуть ссутулился и замотал головой.

– Нет, Ирина Витальевна. Я зашел к бухгалтерше. А смотрю, у нее закрыто. Думал, может она у вас в кабинете, – добродушно улыбаясь, проговорил Сева. Помолчал, а потом спросил:

– Ирина Витальевна, у вас все в порядке?

Кажется, Зотова слишком была увлечена своими мыслями и уже позабыла про скромного грузчика.

– Ты что-то сказал, Сева?

Петраков несколько не обиделся на такое невнимание Зотовой.

– Тоска у вас в глазах. А это нехорошо для такой красивой женщины. Нужно радоваться жизни, – проговорил он все с той улыбкой. Зотовой сейчас меньше всего хотелось слышать от кого-то нравоучения. Особенно от своего же грузчика. Ни его собачье дело, что у нее в глазах. И Зотова съязвила:

– Радоваться, как ты, Сева? – Намекнула она на его придурковатость. Ходит, вечно лыба до ушей, а еще к продавщицам пристаёт. А с другой стороны, может, не такой он и тюфяк, каким кажется.

– Я пойду, Ирина Витальевна, – как будто смутившись, пробубнил Сева и поплелся по коридору.

Провожая его взглядом, Ирина хмыкнула. Кажется, грузчик умеет обижаться. Хотя ей – то, какое дело до его обид. Сам виноват, не надо было приставать к ней со своими дурацкими вопросами. Она пошла к себе. В очередной раз пришлось повозиться с замком, прежде чем она попала в кабинет, открыла сейф. Там, кроме всяких деловых бумаг, у нее хранилась небольшая тетрадка, в которую Ирина записывала все о поступивших в их магазин ювелирных изделиях. Какая партия, откуда, число и номер накладных. Так было легче контролировать бухгалтерию. Странно, но ей показалось, что в эту тетрадку, кто-то заглядывал без нее. Прекрасно помнила, как вчера, перед тем, как уйти, пристегнула скрепкой две страницы. Теперь же скрепка держалась только на одной странице. На той, где ее рукой была сделана запись о последней, поступившей партии драгметаллов, которую принимал Романовский. Было это за несколько дней до его смерти. И все это время партия, сотни колец, перстней и серег, находилась в его сейфе. Как говорил сам Романовский, с этой партией есть небольшая проблема и потому в продажу ее не допустил. Потом, директора ювелирного магазина не стало. А когда вскрыли сейф, там не оказалось ничего из той партии. И у Ирины Зотовой сразу появилось устойчивое мнение, что партия та опять была левая. Она не лезла в дела директора, но знала, что такие партии к ним поступают едва ли не каждый месяц. Не попадая на склад, они сначала оседают в директорском сейфе, а потом оттуда попадают сразу в торговый отдел, перемешиваясь с изделиями, которые поступают к ним в магазин с заводов. Если бы те изделия из драгметаллов поступили к ним на законных основаниях, то после их исчезновения, поднялся бы невероятный шум. Сразу бы объявились поставщики и предъявили счет. А тут – тишина, которая пугала заместительницу Романовского.

Замечала нечистоплотные делишки директора, Ирина старательно делала вид, будто она не в курсах. И Романовский верил. А может, и не верил. Но Ирина молчала, не задавала никаких вопросов. А молчаливая заместительница его вполне устраивала. Он ей неплохо платил, и было за что молчать. Но теперь, после того, как Романовского не стало, а она заняла его директорское кресло, не худо бы прояснить некоторые вещи. И в первую очередь, куда делась та партия.

Бухгалтер магазина, с которой Ирина попыталась заговорить об этой партии, вообще скроила такую физиономию, будто вообще об этом первый раз слышит. Накладные, денежный оборот магазина, вот ее стихия. Ирина догадывалась, что все совсем не так. И если проходили такие левые партии изделий, то уж точно не в обход ее. И вполне может статься так, что эта молчаливая как мышь бухгалтерша, решила проявить активность и каким-то образом заглянула в сейф. Только об одном Ирина знала точно, Романовский никогда и никому не доверял ключа от своего сейфа. Отсюда и не понятно, кто и как открыл сейф и даже заглянул в ее тетрадку. Это ставило ее в тупик. Пока Ирина ничего не понимала.

Глава 7

Вернувшись в управление, Федор пошел к экспертам. После ухода Мушкаренко, здесь многое чего изменилось, начиная от перестановки мебели в кабинете. Антоныч никогда ничего не просил для себя, для него было главное – работа. А какой стол, какой стул, это уже второстепенное. С приходом капитана Семина, в кабинете появился новый стол, а вместо стула – мягкое кресло, как будто начальнику криминалистов только и делов, что весь день просиживать свою задницу на этом кресле. У старика Антоныча все было разложено по полочкам. Каждая бумажка, каждая фотография имела свое место. Такого ночью разбуди, и он без запинки скажет, где какой материал по преступлению. Любил старик Антоныч порядок в работе.

У Семина все по-другому. Можно было назвать это бардаком, но Туманов выразился более мягко, сказав:

– Ну и неразбериха тут у тебя.

И тем не понравился главному эксперту.

Он зашел к капитану узнать результаты экспертизы по Шарову. И Семин минут десять рылся в папках, отыскивая нужную бумажку и рыча при этом на Туманова:

– Думаешь ты один такой? Тут минуты не посидишь спокойно. Одному надо то, другому это. А нас всего, я и два лейтенанта. Не успеваем ни черта. Вчера подал рапорт в кадры, чтобы расширили численность в отделе. Да где же у меня это проклятое заключение, по этому Шарову. Специально ведь приготовил для тебя. На глазах было.

Федор усмехнулся, тронутый такой заботой.

– Ну, раз приготовил, давай? – сказал Семину, заметив, как тот смутился. Подцепил его майор.

– Вот мать иху. Наверное, кто-то из помощничков покопался здесь. Сейчас найду. Подожди немного, – заверил капитан.

– Немного, это сколько? – спросил Федор, ни коим образом не собираясь ущемлять самолюбие капитана Семина. Просто надоело стоять и ждать. Никогда не предполагал, что в стенах собственного кабинета отыскать бумажку, большая сложность. Уже и пожалел, что заявился сюда сам. Надо было послать Грека. Он бы скорее нашел общий язык с этим угрюмым Семиным. А теперь, кажется, и без того неважные отношения с главным криминалистом и вовсе дали трещину. Семин поднял на Федора красное лицо и проговорил раздраженно:

– Думаешь, ты один занятой, да? А я тут без дела сижу, да? Вон тут у меня, сколько всяких этих экспертиз, – показал он толстенную папку, набитую бумагами. – Попробуй, отыщи вот так сразу.

Федор поморщился. Раздражал его этот капитан. Говорили до прихода в управление уголовного розыска, Семин работал где-то на периферии. Федор не уточнял, где. Его это не интересовало. Видно там объем работы был намного меньше, и не было такой спешки, как у них в управлении. Семин хоть и старался, но все равно затягивал с экспертизами. А оперативникам тянуть было нельзя.

– Ты вот что, Семин, – стараясь сдержаться от грубости, сказал Федор, – сбавь громкость на полтона. Понял? Я не думаю, что ты тут сидишь без дела. Только тебе не мешало бы, наконец, разобраться в своем хозяйстве.

Капитан раскрыл рот, хотел что-то ответить, но Федор так на него взглянул, что рот у Семина сразу закрылся.

– Я буду у себя. Когда найдешь заключение, пришли своего помощника. Пусть пробьется. А то уж, наверное, засиделись они у тебя, – сказал Туманов, глянув на приоткрытую

дверь соседнего кабинета, откуда доносился залиvistый смех лейтенантов. Федору показалось, что они травят друг друга анекдоты. Хлопнув дверью, майор вышел.

Стоило Федору войти в свой кабинет, как Грек пристально глянул на него, потом спросил:

– Ну, чего там по экспертизе?

Туманов махнул рукой.

– Этот раздолбай, Семин никак не может отыскать заключение.

Грек понимающе кивнул, сказав:

– Драть надо этого Семина, как сидорову козу. Чтоб шевелился.

Ваняшин ничего не сказал. Сидел и перелистывал страницы уголовного кодекса. Федор посмотрел на него и ничего не сказал. Зато сказал Грек, кивнув на увлекшегося лейтенанта:

– Изучает. Это ведь, Николаич, я его надоумил. Чтоб знал наш Леха статьи, как библейские заповеди. Вот он и мучается, сердешный. При каждой свободной минуте в кодекс заглядывает. Ума набирается.

Ваняшин не вытерпел, бросил книгу на стол.

– Может, хватит, Сан Саныч? Достал уже своими подколами, – на повышенных тонах произнес Ваняшин, отсаживаясь подальше от Грека.

Но сам Грек мириться с таким неуважением не собирался. Добродушие в миг слетело с лица. Строго взглянув на молодого своего товарища, капитан сказал:

– А чего ты этот кодекс все мусолишь? Скоро до дыр протрешь.

– А тебе что, завидно? Возьми тоже почитай, если хочешь.

– Не хочу, – важно протянул Грек и тут же добавил: – Мы с Николаичем и так на зубок знаем основные статьи, по которым приходится работать. А лишним голову забивать ни к чему. Это тебе салаге...

Грек собирался сказать еще что-то, но тут дверь открылась, и в кабинет вошел Семин. Молча, кивнув усатому капитану и молодому лейтенанту, он сказал Федору:

– Вот заключение, – положил он на стол бумагу вместе с пачкой фотографий, на которых был запечатлен убитый Шарик, и больше не сказав ни слова, вышел. Пока Федор читал заключение, Грек разглядывал фотографии. Потом сказал:

– Не поспешил Семин на фотки, – собрал все фотографии в аккуратную стопку и подвинул ее Ваняшину, спросил у Туманова: – Ну, чего там, Николаич?

– Там полный мамаду и ничего такого, что помогло бы нам в расследование. Смерть Шарика наступила в результате ранения в голову, – ответил Федор, пробегаая глазами по строчкам машинописного текста. – Пуля, застрявшая в голове, выпущена из пистолета «Макарова».

Грек вздохнул, разочаровавшись в результатах экспертизы.

– Да. Немного тут полезного, – сказал он, угадывая мрачное настроение майора Туманова. Федор отложил принесенное Семиным заключение и сказал:

– Ну, у кого, какие соображения?

Ваняшин уставился в лежащий на столе кодекс, как будто подсказка таилась в нем, и стоило лейтенанту его открыть...

Грек сверкнул на Федора своими черными прожигающими глазами, подумал немного и сказал:

– Мое мнение, надо работать с Зотовой. Вот чувствую, она причастна к смерти Романовского и своего любовника. Надо привезти ее сюда. Николаич, дай я с ней побеседую. У меня ведь глаза, как у гипнотизера. Гляну раз, и в самую душу, – рубанул рукой Грек по столу.

Ваняшин не удержался от смеха, а усатый капитан обиделся.

– Чего ты, Леха, ржешь? Не веришь? А зря. Вот Николаич знает...

Федор посмотрел в усатую морду Грека.

– У тебя была возможность отличиться, расколоть ее. Чего ж ты в телевизор пялился, когда я с ней беседовал, – напомнил Федор, но обескуражить, тем более смутить усатого болтуна ему не удалось.

– Так ведь понимаешь, Николаич, какое дело, телевизор мне мешал. Не давал сосредоточиться. Отвлекал. Да и ты тут под боком...

– Выходит, я тебе мешал? – возмутился Федор.

Как красная девица Грек опустил глаза, сказал:

– Ну не то, чтобы мешал, но все-таки. Мне ведь надо было сконцентрировать всю свою внутреннюю энергию и направить ее прямо в глаза Зотовой. А иначе нельзя. Как ты не поймешь.

Глядя, как заливается смехом Ваняшин, Федор тоже не выдержал, рассмеялся. А Грек обиженно посмотрел на обоих приятелей и сказал:

– Да ну вас, придурков. Ничего вы не понимаете в гипнозе. А я вот книжку прочитал, – достал он из внутреннего кармана пиджака тоненькую книжечку, показал Туманову, – что такие глаза, как у меня, обладают гипнотическим действием. Хотел попробовать гипноз на практике. Вот сидел, минут двадцать мысленно внушал Лехе, чтобы он дал мне закурить.

– Ну и как? – Федор перестал смеяться, но улыбка с лица еще не сошла. Так развеселил Грек. Иногда, казалось, Грек нарочно валял дурака, чтобы поднять настроение. Уж в этот раз, наверняка так и было.

– Так дал он тебе закурить? – переспросил Федор. Грек вздохнул.

– Как же, загипнотизируешь такого. Надо же, чтобы он в глаза мне смотрел, а он тарашится в уголовный кодекс.

Когда потом вышли из майорского кабинета, Ваняшин, заинтересовавшись книжкой про гипноз, спросил у Грека:

– Ты, это серьезно?

– Чего? – захолопал на него глазами Грек.

– Ну, насчет гипноза? Серьезно занялся?

– А как же, – не моргнув глазом, ответил Грек. – Так же легче расколоть преступника. Возиться не надо долго. Притащил его к нам, усадил на стул и сигнал ему в душу посылаешь.

– Здорово, – Ваняшин замечтался. – Башковитый ты, Сан Саныч, – похвалил он Грека. Грек заулыбался.

– А ты думал, Сан Саныч Греков так себе, – покрутил он пальцем у виска. – Нет, дорогой лейтенант. Сан Саныч Греков – новатор.

– Слушай, Сан Саныч...

– Чего еще? – лицо Грека сделалось настороженным в ожидании того, что сморозит молодой коллега.

– Может мне тоже стоит попробовать? Ты мне дай эту книжку почитать? – попросил Ваняшин. Но Грек зажилил. Сказал:

– Не, Леха, у тебя не получится. У тебя глаза не те. Тут нужен взгляд такой, – Грек нахмурился, уставился на старушку стоящую в коридоре, по-видимому, вызванную к кому-то из оперативников.

Заметив, что усатый мужик пристально смотрит на нее и вращает своими черными глазами, старушка отвернулась, а Грек самодовольно произнес:

– Вот видал? Вот такие глаза нужны, как у меня. Чтобы смутить человека. А у тебя с твоими голубыми глазенками так не получится. Так что лучше не теряй зря время. Займись чем-нибудь другим.

Ваняшин обиженно засопел, но ничего не сказал. Молча потопал за Греком по коридору.

Глава 8

События последних дней, очень озадачили Эдуарда Юрьевича Баркова. Особенно эта внезапная смерть директора ювелирного магазина. В то, что Романовский сам ушел из жизни, Эдуард Юрьевич не верил с самого начала. Пришлось заплатить большие деньги, чтобы заполучить копию судебно-медицинской экспертизы и заглянуть в протокол осмотра места происшествия.

Дело ведет опытный сыщик майор Туманов. К нему у Баркова подхода не было. Но у него было много денег, и, слава богу, что есть еще менты с понятием, ни чета этому упрямцу майору.

Просмотрев все необходимые бумаги, Барков укоренился в своей вере, что директора ювелирного убили. Причем, действовал, человек явно искушенный в своей профессии. Только поэтому у сыщиков нет ни одной зацепки. Убийца просто перехитрил их. Он оказался умнее, изощреннее, и теперь этот майор Туманов сидит в заднице. Но он-то, положим, может сидеть, в худшем случае получит нахлобучку за волокиту. А вот Эдуард Юрьевич...

Пару недель назад была получена очередная партия польского золота. По самым скромным подсчетам, ее стоимость тянет на восемьсот тысяч баксов. Но Барков не получил ни цента. Более того, с внезапной смертью своего ближайшего помощника директора ювелирного магазина Романовского, следы той партии вообще оказались потерянными. Хотя Барков сам тому свидетель и видел, как подъезжала к магазину машина, и тщательно упакованные в коробки изделия из драгоценного металла, перекочевали в кабинет к директору ювелирного магазина. В субботу, Романовский должен был передать Эдуарду Юрьевичу деньги. Но в четверг его не стало. Узнав об этом, на другой день Барков примчался в магазин, вместе с заместительницей Романовского они вскрыли сейф, но золота в нем не было. Хотя Барков мог поклясться чем угодно, что за два дня до убийства Романовского, все изделия из драгоценного металла еще были у того в сейфе. Эдуард Юрьевич заезжал к приятелю Романовскому и когда тот по какой-то надобности открывал сейф, видел стоящие внизу коробки. Потом вдруг все эти коробки оказались пустыми. А поставщики требовали за поставленный товар денег. Испортить с ними отношения, значит навсегда потерять канал дешевого золота, на котором можно выгодно заработать. Так было все три года, до этого нелепого случая с Романовским. Пока что контрабанда золотом приносила Баркову огромные доходы. Но теперь, похоже, он оказался в проигрыше. Как иначе назвать то, каким тоном разговаривал с ним этот засранец Глеб. Для себя он видно сделал выводы, что положение Эдуарда Юрьевича пошатнулось. У серьезных партнеров не бывает таких проколов, к тому же, если этот партнер довольно известный вор в законе. Хотя на воровской титул Глебу глубоко наплевать. Канал поставки в Россию польского золота наладил он. Таможенники не докалывались до дипломатического работника. А частые перелеты Глеба были легко объяснимы служебной необходимостью. Плюс умение наладить контакт с таможенниками. Они тоже люди и жить хотят, а двести, триста долларов в кармане никому не лишние.

Барков сознавал, как не крути, а он в полной зависимости от Глеба. И зная это, Глеб вчера позвонил Баркову и в довольно грубой форме потребовал деньги, сославшись на то, что ему якобы звонили польские друзья и требовали вернуть долг. Барков попросил подождать несколько дней, за это время можно было попытаться, отыскать исчезнувшую партию золота. Был еще другой вариант, который Эдуард Юрьевич приберет на крайний случай. Это устранение Глеба. Тогда не возврат поставщикам денег, можно списать на него. Сам Барков напрямую с ними не контактировал. Связь поддерживал Глеб.

Но у этого варианта был единственный и довольно существенный недостаток. С внезапной смертью Глеба, всякая поставка золота прекращается. Это означало, конец золотому

бизнесу. Вот почему, Барков решил не спешить с этим, приказав своим парням пока всего лишь следить за молодым дипломатическим работником.

Было одно обстоятельство, которое беспокоило старого вора в не меньшей степени, чем исчезнувшая партия золотых изделий. Глеб слишком увлекся девушкой майора Туманова. А это, по мнению, Баркова, ни к чему путному не приведет. Сыщик, да еще такой квалификации, всегда найдет возможность напасть на самонадеянного дипломата. А это уже будет означать полный крах. И допустить такое, значит заведомо подписаться под приговором.

Перспектива, оказаться в тюрьме, а такое неизбежно произойдет, стоит только ментам дотянуться до Глеба. Тот хоть и харахорится, но устоять перед ментами не сможет и обязательно расколется.

Барков вздохнул, припоминая недавний разговор с Глебом по поводу подружки сыщика. Жаль, что его молодой друг не понимает всей опасности. Придется ему как-нибудь объяснить это. И объяснить популярно. А пока Эдуард Юрьевич решил съездить к той красотке, которая теперь стала директором ювелирного магазина. Не мешает с ней познакомиться поближе и так сказать, в неформальной обстановке.

Без стука вошел телохранитель Баркова, который почти везде и всюду следовал за ним, словно тень, и доложил с покорностью слуги:

– Эдуард Юрьевич, машина ждет у подъезда.

Барков кивнул головой и сухо сказал:

– Тогда поехали.

* * *

По идеи, сегодня дежурить возле дома, в котором жила Зотова, должен был лейтенант Ваняшин. Грек не очень-то надеялся на успех подобной операции, к этим дежурствам относился скептически. Но разве майора Туманова переубедишь. Упрямый он.

– Надо посмотреть за ней, понаблюдать, кто к ней приходит. Так легче выявить круг ее знакомых, – сказал Федор и первый вечер взялся дежурить сам. Со служебной «Волги» сняли синие номера, и Федор весь вечер проторчал в машине возле дома директорши.

На следующий вечер, дежурить досталось капитану Греку.

– Пустая затея, – сказал он, усаживаясь за руль служебной машины, которую ему доверил Ваняшин, не забыв предупредить, чтобы Грек не расколотил ее. Туманов ничего не проронил в ответ на замечание Грека. И усатому капитану пришлось до двенадцати ночи торчать под окнами квартиры мадам Зотовой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.